640

Высший Совет Народного Хозяйства.
Отдел Редакционно-Издательский.

Спектатор.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ В ГЕРМАНИИ.

Перевод с немецкого.

МОСКВА.
1921 г.

599/5

Германия была до войны самым развитым индустриальным государством на континенте Европы, с самым сильным рабочим движением. В Германии лучше всего была развита экономическая теория, в особенности марксизм. Поэтому можно было полагать, что и в вопросе практического осуществления социализма Германия будет впереди остальных стран. Но в действительности германская наука, не исключая и марксизма, в этом отношении совершенно спасовала. Вышедшие за последнее время многочисленные работы по вопросу о социализации едва достойны упоминания. Даже столь выдающийся экономист, как *К. Бюхер*, заслуги которого в области историко-экономических исследований несомненны, почти ничего не в состоянии сказать оригинального по вопросу о социализации. Он полагает, что в достаточной мере доказал невозможность социализации ссылкой на международные экономические отношения Германии, на ее задолженность и на рост издержек производства. Большая часть авторов, высказывающихся против социализации, считает также необходимым сослаться на отпугивающий „пример" Советской России, совершенно не зная действительных опытов социализации в Советской России, и еще в меньшей степени поняв причину их неудач. Даже работы товарища Каутского по данному вопросу значительно уступают его прежним работам, например его книге. „На другой день после социальной революции". Нечто действительно ценное дал только профессор *Баллод* своим статистическим исследованием возможности осуществления социализма. Профессор Вильбрандт тоже написал интересную работу о социализме, но и он рассматривает вопрос слишком абстрактно, далеко от реальных условий. Самой лучшей работой по вопросу о социализации является, по нашему мнению, брошюра *Отто Бауэра*, рассматривающая вопрос разносторонне и с большим искусством пытающаяся разрешить его.

В общем, германская экономическая теория *спасовала* в этом вопросе; а еще больше спасовала *практика* — экономическая политика нового правительства, направляющая жизнь в русло капиталистическое, а отнюдь не социалистическое. Ны-

нешние руководители экономической политики дошли теперь до того, что выставляют альтернативу: производство или социализация, что звучит особенно мило в устах бывших социалистов, еще ныне претендующих на роль представителей истинного социализма...

Но в чем причины этого явления? На последующих страницах мы попытаемся дать ответ на этот вопрос, и в то же время рассмотреть возражения против социализации, а также изложить рекомендуемые сторонниками социализации методы проведения ее в жизнь и критически осветить правительственные мероприятия по „социализации".

Если необходимо ознакомиться с опытами Советской России для того, чтобы узнать, какие шаги, оказались здесь неудачными и могут быть избегнуты, то настолько же необходимо узнать отрицательную для социализма деятельность германского правительства, чтобы убедиться, действительно ли „германский" путь является лучшим, нежели „русский" и обещает ли он рабочему классу больший и лучший успех, нежели русский. Мы не собираемся, разумеется, излагать здесь – или хотя бы даже только приводить – все возражения против социализации, выдвигаемые предпринимателями или писателями, состоящими на их содержании. Невозможно также рассмотреть *все* планы социализаций, коих было выдвинуто так много в первые месяцы революции. Мы должны ограничиться только самыми главными из них — теми, которые достойны особого внимания сами по себе или же, выдвинуты выдающимися представителями науки и практики. Но прежде всего мы предпошлем нашему исследованию несколько общих замечаний о степени зрелости Германии для социализма.

Когда в России произошла революция 1917 года, возгорелся жаркий спор о том, созрела ли страна для социализма. Мы привыкли ставить зрелость страны для социализма в зависимость от степени развития ее хозяйства. При этом мы всегда имеем в виду ту картину капиталистического развития, которую Маркс гениальным образом развернул в своем „Капитале". Но действительно ли для того, чтобы быть зрелой для социализма, страна непременно должна достигнуть такой высокой ступени развития, как она описана Марксом в „Капитале"? Нисколько.

«Зрелость к социализму», говорит Каутский («Диктатура пролетариата», Вена 1919 г., стр. 11/12), «не есть нечто такое, что можно исчислять и устанавливать статистическим путем, прежде чем начинать практическую пробу на опыте. Во всяком случае неправильно при обсуждении этого вопроса чересчур выдвигать на первый план материальные предпосылки, как это делают столь часто. Разумеется, никакой социализм невозможен без известной степени развития крупного производства. Но когда утверждают, что социализм станет осуществимым только тогда, когда капитализм больше не будет в состоянии развиваться дальше, то отсутствуют всякие доказательства того, по-

чему это обязательно должно быть так. Правильно только одно: что социализм осуществим тем легче, чем более развито крупное производство, и чем меньше следовательно придется организовать производство, как общественное производство. Однако для данной проблемы это справедливо лишь постольку, поскольку вопрос рассматривается с точки зрения определенного государства Упрощению проблемы в этой рамке противодействует то обстоятельство, что рука об руку с ростом рынка сбыта данной страны идет развитие международного разделения труда и международных сношений и, тем самым, непрерывное расширение и усложнение проблем общественной организации производства. В общем, нет основания утверждать, что в современных индустриальных государствах, с их развитой банковой системой и организациями предпринимателей, общественная организация большей части производства через государство не была бы возможна уже в настоящее время.

«Решающим является уже не материальный, а личный фактор: достаточно ли рабочий класс силен и развит духовно для того, чтобы взять в собственные руки общественное регулирование производства? Иначе говоря, обладает ли он силой и способностью к тому, чтобы перенести демократию из области политики в область экономики? Этого нельзя с уверенностью наперед сказать и это—фактор, который развит весьма различно в разных государствах и может сильно колебаться в одной и той же стране в различные периоды. Ибо достаточная степень силы и способности есть понятие относительное. Одна и та же степень силы, может быть недостаточной сегодня,—когда противники сильны,—и вполне достаточной завтра, когда противники переживают моральный, экономический или военный крах.

Подобным же образом одна и та же степень способности может быть недостаточной сегодня, когда пролетариат встает у кормила правления при крайне запутанном положении—но она может оказаться на высоте всех требований завтра, если тем временем наступит положение менее запутанное, более простое или имеющее под собой лучший материальный базис Только практика может показать в каждом отдельном случае созрел ли уже пролетариат для социализма или нет. С определенностью можно сказать только одно: Пролетариат непрерывно растет как численно, так и в отношении своей силы и интеллигентности и все более приближается к моменту своей зрелости. Но установить наперед, когда этот момент наступит—невозможно. Нельзя сказать с определенностью, что он наступил, даже еще тогда, когда пролетариат составляет большинство населения в стране и последнее в своем большинстве провозглашает свою волю к социализму. Зато можно с определенностью принять, что народ еще не созрел для социализма, когда большая часть народной массы враждебна социализму и не желает ничего о нем знать».

Следовательно, в настоящее время все зависит от субъективного момента от социалистического сознания рабочих масс. В Германии рабочие составляют значительное большинство населения. Это было установлено еще в 1907 году; а в настоящее время это еще в большей степени является бесспорным фактом. В 1907 году социальный состав населения, согласно профессиональной переписи, был следующий:

	Самостоятельные, хозяева и ремесленники.	Служащие.	Рабочие, включая членов семьи, помогающих в работе самостоятельным хозяевам и ремесленникам.
	(в миллионах человек).		
Сельское хозяйство и лесоводство.	2,50	0,10	7,28
Промышленность, горное дело и строительное дело.	1,98	0,69	8,59
Торговля и транспорт . .	1,01	0,50	1,96
Разного рода наемный труд.	—	—	0,47
Свободные профессии . .	0,56	0,30	0,23
Всего.	6,05	1,59	18,54

Число рабочих таким образом, в три раза больше числа „самостоятельных хозяев", из коих 247, 770 чел. приходится на ремесленников. Но из 18 миллионов рабочих 4,29 милл. приходятся на помогающих в работе членов семьи, т. е. лиц, которых обыкновенно трудно привлечь на сторону социализма. То же самое нужно сказать про 3.39 мил. сельско-хозяйственных рабочих, которые тоже пока еще мало доступны для социалистической пропаганды. Следовательно, основным ядром социализма являются только около 11 миллионов человек, не имеющих большого численного перевеса над остальными социальными классами. Иначе говоря, германский рабочий класс в социальном отношении составляет большую часть населения страны. Но психологически значительная часть рабочих еще не порвала с окружающей их буржуазной средой. Это правильно не только по отношению к большей части членов семейств, помогающих „самостоятельным" ремесленикам, но и по отношению к сельско-хозяйственным рабочим, а также к рабочим мелких предприятий в небольших и средних городах.

Не следует, забывать, что в 1907 году из 14,35 миллионов промышленных рабочих в крупных предприятиях с числом рабочих свыше 50 человек было занято всего 5,35 мил., а в мелких предприятиях, с числом рабочих от 1 до 5, тоже работало 5,35 миллионов. Кроме того, важно отметить, что в 1910 году, из общего числа населения в 64,92 мил. душ, всего 13 82 мил. жило в крупных городах, с населением свыше 100.000 жителей, и 8,68 мил., в городах средних, с числом жителей от 20.000 до 100 000 душ,—а две трети населения оставалось еще в деревне или в маленьких городках, находясь под влиянием мелкобуржуазной ограниченности своей среды.

Эти цифры об'ясняют нам не только относительно слабое развитие социал-демократии (в 1912 году при выборах в рейхстаг социал-демократы получили только 4,25 мил. голосов из поданных 12,21 мил., а в 1919 году при выборах в национальное собрание независимые социал демократы получили 2,3 мил. голосов из 30,4 мил.), но и ограниченный, мещанско-национальный характер так называемой социал-демократической партии Германии (социалистов большинство), получившей при выборах в национальное собрание 11,5 миллионов голосов.

Вдобавок ко всему этому нужно еще иметь в виду, что Германия за последнее десятилетие развилась в крупную промышленную и торговую страну, в значительной степени зависящую от ввоза пищевых продуктов и сырья и от вывоза фабрикатов. В империалистических буржуазных кругах

господствует убеждение, что для сохранения германской промышленности необходимы собственные источники сырья и господствующее положение на мировом рынке. Это—иллюзия, давно опровергнутая марксистами (в особенности же Каутским в разных его трудах, а также М. Нахимсоном в его книге „Империализм и торговые войны", Берн, 1917 г.). Достаточно указания на Швейцарию, с ее быстро развивающейся промышленностью, чтобы сделать ясным, что при нормальных экономических условиях для развития *страны* совершенно безразлично, привозится ли сырье из „собственных" или чужих стран. (Хотя, разумеется, дело обстоит иначе во время войны или в момент, как нынешний, когда война еще продолжается в экономической области). Для предпринимателей, конечно, не безразлично, обладают ли они наряду с орудиями производства также и источниками сырья, или нет, ибо в последнем случае их барыши гораздо больше. Но заработная плата никоим образом не зависит от этого. Тем не менее империалистическая иллюзия владела умами довольно широких слоев германского пролетариата—и даже некоторых профессионально организованных частей его—как до войны, так и во время войны. Именно этим—а также мелко-буржуазной ограниченностью германского рабочего—об'ясняется поведение его вождей, заключивших во время войны „гражданский мир".

Этот гражданский мир пережил не только войну, но, как ни странно это звучит, и революцию.—Восстание пролетариата, приведшее к падению монархии и господствующей феодальной касты, в сущности не было восстанием против капиталистической формы общества, против капиталистического рабства. Это явствует уже из того, что во главе нового правительства стали в сущности те вожди рабочих, которые во время войны были представителями идеологии гражданского мира. Правда, они до небес восхваляли военный социализм, но о настоящем социализме они не хотели и слышать. Созданные еще во время войны „сотрудничества" (Arbeitsgemeinschaften), представительные органы предпринимателей и рабочих на паритетных началах, продолжали существовать и были снабжены различными полномочиями, служа в сущности лишь для того, чтобы держать рабочего прикованным к колеснице капитализма.

Если во время войны лозунг был: „отечество в опасности, пока враг не побежден", то теперь провозглашается, что отечество в опасности, пока не будет восстановлена разрушенная войной промышленность. Пусть предприниматели занимаются саботажем, пусть они переправляют свои капиталы за

границу, пусть распродают или припрятывают товары, пусть ведут ростовщическую торговлю или подпольную спекуляцию, во всем все же виноват рабочий, производительность труда которого недостаточно высока. У этих людей хватает смелости упрекать рабочих в том, что производительность их труда в настоящее время ниже, чем до войны, хотя они отлично знают, что условия производства, техническое оборудование, снабжение сырьем, транспорт, питание рабочих в настоящее время несравнимо хуже, чем до войны. В частности, в горной промышленности, где во время войны велось беспримерно хищническое хозяйство, производительность труда даже при самом большом напряжении безусловно не может в настоящее время достигнуть своей довоенной высоты.

И тем не менее от рабочих требуют, чтобы они отказывались от всех своих требований, дабы поддержать промышленность, которую сознательно губят промышленники. Одним словом, во имя отечественной промышленности гражданский мир должен быть сохранен и ныне.

Возражения против немедленной социализации.

Из сказанного ясно, что революция не могла привести к победе социализма,—однако вовсе не потому, что германская промышленность яко-бы не созрела еще для социализма. Главные отрасли промышленности уже до войны находились в руках промышленных магнатов, опиравшихся на банки и картели. За время же войны могущество финансового капитала возросло еще больше. Мелкие предприятия почти совершенно исчезли, за исключением торговых, которые непосредственно поддерживались правительством во имя гражданского мира. Следовательно, обобществление производства могло теперь произойти гораздо легче, чем до войны,—войны, за время которой правительство приобрело столь сильное влияние на руководство производством. Как восхваляли социал-патриоты этот военный социализм, видя в хлебной карточке чуть ли не начало социалистической эры и выставляя Германию образцом для всех стран в области социального развития! А после революции, когда необходимо было обратить на пользу рабочего класса те экономические мероприятия, которые во время войны были проведены в интересах капитала и милитаризма,—когда необходимо было использовать экономическую силу государства таким образом, чтобы восстановление промышленности могло произойти на новых началах—тогда те же самые социал патриоты превратились в ярых защитников свободной торговли

не желающих „пока" ничего знать о планомерном хозяйстве. В то время как газета „Фрейхейт" от 19 го ноября 1919 года требовала немедленных действий именно в интересах народного хозяйства и писала, что „относительно возможности передачи крупных промышленных монополий в общественную собственность у сведущих людей не существует никаких сомнений"—Эберт 1-го декабря обрушился на „фантастов", требующих немедленной социализации наших промышленных предприятий, и предостерегал от „экспериментов", как будто все то, что ныне делается в области народного хозяйства, не является тоже чистейшим экспериментированием. и как будто возвращение к капитализму не означало бы, как правильно заметил Каутский, самого опасного эксперимента. Министр земледелия Браун находил (см. „Берлинер Тагеблатт" от 27-го ноября) момент еще не подходящим для социализации,—даже для социализации крупных предприятий,—словно можно свободно выбирать момент для социализации, которая всегда может быть осуществлена только в ожесточенной гражданской войне. А Хуе полагал даже, что социалисты вообще не должны брать на себя обязанностей конкурсного управления (Konkurs verwalter) обанкротившегося капитализма. Следовательно, конкурсную массу—оставшиеся еще средства производства—нужно, по его мнению, предоставить в распоряжение обанкротившегося капитала... Комиссия по социализации тоже заявила в своей программе что „*восстановление производства* является первой предпосылкой всякой хозяйственной реорганизации", — хотя Каутский и Гильфердинг высказывались за то, чтобы социализация горной промышленности была начата немедленно. хотя и постепенно. Второй с'езд советов 20 го декабря 1918 года высказался еще резче в этом направлении, потребовав, чтобы „*безотлагательно* было приступлено к социализации соответственных отраслей производства, в особенности же горной промышленности"—в противовес чему тогдашний статс-секретарь министерства народного хозяйства (Reichswirtse haftsamt) Август Мюллер находил, что „мир еще не созрел для общей социализации".

Что люди, столь мало верящие в возможность торжества социализма, не в состоянии осуществить социализм практически—это ясно само собой. Эти так называемые „социалисты" за время войны позабыли все, поверхностно заученное ими раньше и добровольно сделались охранителями капитализма.

На все ламентации о „неподходящем моменте", о роли „конкурсного управления" и т. д. ясный ответ дает *Отто Бауэр*. Он говорит:

«В продолжение четырех с половиной лет нации не строили домов для жилья, а только рыли траншеи, не выделывали машин, а изготовляли гранаты и шрапнели, не обрабатывали полей, а стреляли из пушек. У нашей почвы отняты питательные вещества, наши машины износились, наши железные дороги в ужасном состоянии, наша одежда и наше белье превратились в отрепья—все богатство общества разрушено. Народы обеднели вследствие войны, обеднели несказанным образом.

«Мы будем бедны очень бедны. Можем ли мы при такой бедности еще позволять себе роскошь отдавать дань из плодов нашего труда тучным прелатам и высокомерным графам, нажившимся на войне богачам и бездельничающим рентьерам? Может ли народ, который до такой степени обеднел, терпеть, чтобы скудный результат его труда распределялся столь неравномерно.

«Мы слишком бедны, чтобы продолжать делить с капиталистами и землевладельцами плоды нашего труда. Достаточно и того, что мы вынуждены будем платить дань капиталистам других стран в виде возмещения военных убытков. Мы не можем на ряду с этим оставаться еще и данниками собственных капиталистов. Есть только *один* выход из нашего тяжелого экономического положения: *социализм*. Война, приведшая демократию к ее победе, заставила нас также вступить на путь осуществления социализма».

Несомненно, это—музыка не для слуха капиталистов, но зато для слуха рабочих, побуждение к социализму, вопреки всем речам о гражданском мире.

Но и помимо этого, разве не социализация, не планомерное хозяйство, облегчит восстановление народного хозяйства. Разве мы до сего времени не держались того мнения, что капитализм хозяйничает чрезвычайно нерационально, что при нем многое тратится даром, тогда как при планомерно организованном хозяйстве достигается экономия и материалов, и труда, почему планомерное хозяйство и должно облегчить восстановление промышленности? При нынешнем положении промышленности прибавочная стоимость—в общем здесь не особенно значительная—наиболее полно может быть обращена на развитие производства только в том случае, если она не будет поступать в частное пользование капиталистов. Положение таково, что вследствие высоких цен на продукты, заработная плата тоже должна быть относительно высокой, между тем как производительность труда, вследствие ухудшения условий производства (расшатанности всего производственного аппарата, предшествующего хищнического хозяйничания во время войны, недостатка сырья и упадка сил рабочих, вследствие недоедания), напротив, низка, и избыточный продукт труда, производимый сверх того, что необходимо для поддержания рабочей силы, тоже не может быть велик. В капиталистическом обществе распределение прибавочной стоимости между личным потреблением класса предпринимателей и капитализацией ее, т. е. применением ее вновь в производстве, зависит от воли предпринимателей, хотя эта воля и не совсем свободна, а определяется условиями конкурренции на мировом рынке. В настоящее время, при неопределенном политическом положении и быстром падении

ценности денег, а также скудости сырья, капиталисты склонны превращать прибавочную стоимость в предметы роскоши, чтобы таким путем изъять ее от государственного налогового обложения и спасти от возможной конфискации социалистическим правительством. Этим объясняются расточительность и саботаж предпринимателей, наблюдающиеся сейчас у нас в Германии и наблюдавшиеся в России в 1917 году. И только путем далеко идущего вмешательства правительства можно достигнуть того, чтобы результаты хозяйства шли на пользу всего общества в его целом. Ведь, даже буржуазно-социалистическое правительство Германии видит себя вынужденным принимать меры против „бегства капитала", и не подлежит сомнению, что вскоре ему придется прибегнуть к принуждению по отношению к предпринимателям, чтобы спасти страну от полного экономического краха, как оно уже прибегает к далеко идущим мероприятиям в области внешней торговли. К. Каутский был прав, когда в своем докладе на втором с'езде советов, 14 го апреля 1919 года, говорил: нам не выйти из банкротства, если мы не пойдем новыми путями. Все, что мы делаем пока, является экспериментом. Но самым опасным экспериментом была бы попытка вернуться к старому капитализму".

Правда, существует еще другой выход для восстановления промышленности на капиталистическом базисе, а именно: настолько увеличить прибавочную стоимость за счет заработной платы, чтобы несмотря на крупные траты предпринимателей на предметы роскоши, все-таки оставалось достаточно капитала для нужд промышленности. Но вполне установленным фактом является то, что и до сих пор продолжается недоедание рабочих, и что их заработной платы далеко недостаточно для улучшения их экономического положения. Следовательно, о понижении заработной платы не может быть речи, а самое большее, о некоторой задержке в улучшении их положения, так чтобы напр. товарные цены росли быстрее заработной платы, а также о переложении налогового бремени на плечи рабочих.

В особенности бельмом на глазу предпринимателей является введение восьми-часового рабочего дня. Существует явное стремление вновь удлинить рабочий день. При этом совершенно не считаются с тем, что произведенное сокращение рабочего дня, как и более высокая заработная плата, являются безусловной необходимостью, для восстановления рабочей силы, истощенной войной. После пятилетнего крайнего напряжения, наблюдающийся в настоящее время упадок напряженности труда является естественной необходимостью, противодействие которой тяжело отомстит за себя. Одним словом,

на этом пути уменьшения заработной платы или удлинения рабочего дня в настоящее время далеко не уйдешь, и еще менее возможно восстановить таким путем промышленность. Фактически ничего другого не остается, кроме рационального, т.-е. планомерного использования прибавочной стоимости, а это возможно только в том случае, если производство будет организовано общественно, и если право распоряжаться прибавочной стоимостью будет принадлежать не предпринимателям, а государству.

Итак, возражение, что „нельзя социализировать долги", при ближайшем рассмотрении превращается в свою противоположность, ибо нужно признать, что именно потому, что вследствие войны наше хозяйство пришло в такой упадок, для достижения промышленностью ее прежней высоты необходимо, чтобы она была организована общественно. Особенно в отношении Германии даже при поверхностном рассмотрении вопроса, ясно, что совершенно исключена возможность того, чтобы Германия на капиталистическом пути могла соперничать со своими экономическими конкуррентами на мировом рынке, победоносной Англией и Америкой. Для Англии и, особенно для Америки, условия конкурренции несравненно благоприятнее, чем для Германии. Америка не только обладает чрезвычайно богатыми источниками сырья и продовольствия, она не только твердо упрочилась в Южной Америке и других частях света, но и чрезвычайно развила свою промышленность за время войны и может ныне опираться на огромный капитал. Англия тоже в значительной степени сохранила во время войны свою промышленность, она обладает большим торговым флотом и обеспечила себе новые громадные рынки сбыта в Азии и Африке, тогда как Германия не только принуждена ввозить и сырье и продовольствие, но и может выступать на мировом рынке лишь через посредство Англии и Америки. При этом мы еще оставили без внимания катастрофическое падение германской валюты и чрезвычайно тяжелые финансовые обязательства Германии, возложенные на нее версальским миром и почти совершенно исключающие (даже по мнению оффициозной „Zeitung für Handel u. Jndustrie") восстановление ее экономической жизни. Различные исследователи версальского договора—не только немецкие, но и иностранные, в один голос находят, что в своих экономических требованиях этот договор совершенно невыполним. Но еще важнее то, что экономическая основа для восстановления промышленности была бы черезчур узка, если бы она должна была оставаться капиталистической, т. е. подверженной конкурренции со стороны различных империалистических государств. С ма-

лым количеством угля, почти без железа, с недостаточным сельско-хозяйственным производством, и без собственного торгового флота, Германия фактически не в состоянии с успехом выдержать конкуренцию, если она не будет давать каждой своей копейке производительное применение в народном хозяйстве.

Отсюда понятно, почему отвергающие социализацию не могут в сущности сказать, какой же иной выход существует для Германии из ее нынешнего бедственного положения. Почти все признают, что экономические условия версальского мира невыполнимы, что их изменение безусловно необходимо, если желать, чтобы Германия могла оправиться экономически. Но кто должен их изменить? Французские или английские империалисты, с такой угонченной жестокостью выдумавшие торговую войну против Германии и еще ведущие ее? Неужели Англия, которая с таким страшным напряжением, длившимся несколько лет, уничтожала во время мировой войны самого опасного своего конкурента, поможет ему вновь стать на ноги, чтобы начинать борьбу сначала? Смехотворные фразы относительно общности экономических интересов всех цивилизованных стран можно было бы считать потерявшими всякий смысл после этой войны. Конечно, европейский промышленный капитал заинтересован в германском рынке сбыта. Но раз он будет избавлен от германской конкуренции, он сохранит зато остальные европейские рынки, которые Германия иначе оспаривала бы у него. Две души живут в груди капитала, и война, ведь, ясно доказала нам, что погоня за монопольной эксплуатацией рынков в настоящее время по меньшей мере столь же сильна, как в прошлые столетия, когда Англия не содрогалась перед уничтожением своих соперников (Испании, Голландии, Франции). Кто не желает, следовательно, удовлетворяться подобными глупыми фразами, как фразой о солидарности капиталистических интересов европейских народов после пятилетней борьбы за мировой рынок, тот по необходимости должен признать, что для восстановления германской промышленности нет иного пути, кроме планомерной организации промышленности на новых началах.

Аргумент относительно солидарности экономических интересов европейских народов имеет смысл только в том случае, если он применяется не по отношению к капиталистам, а к народам. Предприниматели заинтересованы не в развитии производства как такового, а только в прибыли, и разумеется, в возможно более высокой прибыли. Таковую они могут выручить при крупном обороте с незначительной пользой на единицу продукта, или даже и при небольшом обороте, но зато

с сравнительно большой пользой на каждую единицу. При нынешних условиях, когда производство находится на ступени более низкой, чем до войны, а цены на сырье и продукты питания весьма высоки, нельзя пока рассчитывать на большой сбыт, и прибыль может быть увеличена только в том случае, если сбыт будет происходить по высоким ценам, т.-е., если он будет монополизирован. Стремление к торговым монополиям, и, главным образом, к господству над источниками сырья ныне сильнее чем когда-либо. Поэтому у предпринимателей перевес берет не общность интересов, а, наоборот, дух борьбы и желание раздавить соперника. Зато население, которое во время войны страдало от недостатка как продуктов питания, так и промышленных изделий, в самой высокой степени заинтересовано в том, чтобы товарообмен между отдельными странами происходил по возможности беспрепятственно. Этот насущный интерес заставил Англию и Францию даже допустить прорыв блокады России, с целью вступления в торговые сношения со столь ненавистными для империалистов большевиками. И призыв, обращенный к этому интересу рабочих масс, будет поэтому гораздо действительнее, чем все глупые фразы о солидарности интересов капиталистов всех стран.

Но можно ли поддержать такой призыв иначе и лучше, чем путем организации нашей промышленности в интересах рабочих масс, а не в интересах капитала? Разве наше обращение к солидарности рабочих других государств не было бы услышано вернее, если бы Германия в собственной стране организовала и вела промышленность на пользу не капитала, а народных масс?

Возможно, что социализация промышленности в Центральной Европе вызвала бы ожесточенное сопротивление со стороны капитала других стран. Но это сопротивление можно было бы рано или поздно победить, как о том свидетельствует пример России! Во всяком случае, тот факт, что из боязни заграницы не решаются построить промышленность на других началах, показывает, что у нас питают мало доверия к заграничному рабочему движению, и возлагают всю надежду только на Вильсона и Ллойд-Джорджа. Это не что иное, как старая реформистская иллюзия в международном издании. Различие между реформизмом и революционным марксизмом и проявляется именно в том, что марксизм возлагает свою надежду на революционное движение пролетариата, между тем как реформизм ожидает лучшего будущего от добродушия „демократии“ и либерализма. И в вопросе о восстановлении промышленности пути реформизма и революционного марксизма

расходятся: первый ждет возрождения Германии от Лиги Наций или солидарности интересов „цивилизованных" народов, как это было при заключении вильсоновского мира—тогда как революционный марксизм убежден, что только революция может вывести Германию из ее теперешнего бедственного экономического положения, точно так же, как революция же положила конец войне.

Правда, на первый взгляд революционный путь кажется непрактичным и тернистым путем, полным всяких опасностей. Но, как тому нас учат факты, именно, путь реформизма оказался таким тернистым путем, и больше всего обманулись в своих ожиданиях как раз те, которые возлагали надежды на буржуазные классы. Только опираясь на пролетариат, мы, в конце-концов, придем к цели. Даже „Франкфуртская газета" от 20-го января 1920 года принуждена запеть жалобную песнь о банкротстве Европы. Она должна признать, что все призывы к Англии и Америке о том, чтобы они пришли на помощь Германии, остались без ответа. Нет, пролетариат прав, когда он не желает удовлетворяться этими фразами.

Что недовольство нынешней экономической политикой правительства растет в рабочих массах—это установило и министерство государственного хозяйства в своем меморандуме от 7-го мая 1919 года. Оно говорит там: „Все умножаются признаки того, что кабинет со дня на день утрачивает доверие населения". А причину этого явления меморандум совершенно правильно находит в том, что массы недовольны экономической политикой правительства—и не напрасно, как показывает судьба этого самого меморандума, оставшегося гласом вопиющего в пустыне. Мы еще увидим дальше, к каким фактическим условиям привела эта экономическая политика. А пока достаточно опровергнуть возражение, что социализацию нельзя проводить, в виду необходимости считаться с заграницей. Мы держимся взгляда, что как раз наоборот, для выхода из тяжелого экономического положения необходимо изменить международную констелляцию, и что последовательная социалистическая хозяйственная политика имела бы огромное влияние на это международное положение.

Со стороны тех, которые допускают так или иначе необходимость социалистической хозяйственной политики, все снова подчеркивается, что подобное преобразование хозяйственной жизни должно происходить лишь крайне медленно. Конечно, не требуется быть столь выдающимся историком-экономистом, как К. Бюхер, чтобы знать, что „на протяжении тысячелетий, никогда, ни один экономический строй не появлялся на свет внезапно, по приказу властей". Но чтобы старое государство, предоставленное спокойно самому себе, без глубоких

потрясений позволило водвориться социалистическому строю, — это иллюзия чуждого реальной жизни профессора, понимающего классовые противоречия в современном обществе гораздо меньше, чем он их постиг по отношению к древности. Чтобы господствующие классы сами стали себя экспроприировать — верить этому может лишь тот, кто верит в чудеса барона Мюнхгаузена, который вытащил самого себя за волосы из болота. В действительности дело идет вовсе не о „прыжке", как думает Бюхер, а о „планомерно организованной работе, сознательно идущей от одного шага к другому", как правильно замечает Бауэр.

Относительно темпа социализации можно теоретически быть разного мнения. Даже в России жестоко спорили о том, насколько быстро следует проводить социализацию. И если, в конце-концов, она в короткое время привела там к полной социализации, то это вовсе не значит, что умолкли голоса, высказывающиеся за постепенные действия в этой области. На Украине, как и в Литве даже советское правительство медлило и колебалось с национализацией. В общем, столь быстрое осуществление национализации в России было вызвано политическими моментами — внешними, но главным образом внутренними. Суть в том, что одно дело — составлять программу социализации, а другое дело — проводить ее в жизнь. Но составители планов социализации этого большей частью не сознают. Социализация происходит в условиях тяжелой гражданской борьбы. Как только у кормила правления встает социалистическое правительство, не отвергающее на другой день после своей победы своих прежних принципов (как это происходит здесь у нас), а действительно приступающее — хотя бы и медленно — к воплощению в жизнь того, что им проповедывалось раньше; — оно наталкивается на сильнейшее противодействие правящих классов, проявляющееся в экономической области в виде саботажа, изъятия капиталов из производства и т. д. Как только, следовательно, правительство делает попытку социализировать важнейшие отрасли хозяйства, вся экономическая жизнь попадает в чрезвычайно тяжелое положение, отчасти потому, что хозяйственный механизм, лишенный одного звена, приходит в расстройство, но главным образом, вследствие сознательной и не останавливающейся ни перед чем борьбы предпринимателей, пытающихся путем парализования промышленности, свести на нет социалистические попытки, — и вследствие отчуждения деревни от города. Даже против буржуазного правительства, когда оно делает попытку получить действительно широкий контроль над хозяйством, предприниматели поднимают

яростную борьбу. Когда во время войны военное ведомство конфисковало Вендельские доменные печи и стальные заводы и взяло их в свое ведение,—а это оно сделало потому, что стальные синдикаты, вместо того, чтобы сдавать ее военному ведомству, отправляли ее по более высокой цене за границу,—оно натолкнулось на сильнейшую оппозицию, которой и удалось воспрепятствовать увеличению производительности в предприятиях, взятых в ведение государства. (Смотри анонимный меморандум о социализации и восстановлении промышленности, написанный, по всей видимости, выдающимся специалистом, стр. 20). Таким образом и создается такое положение, при котором правительство может увидеть себя вынужденным национализировать гораздо быстрее, чем оно само намеревалось.

Независимо от сопротивления предпринимателей, темп национализации может быть ускорен еще и тогда, когда правительство увидит себя вынужденным со своей стороны принимать меры к техническому улучшению производства и более полному использованию сырья. Весьма характерно, что в то самое время, когда всюду выставляется требование свободного хозяйства, некий инженер В. Кунце в „Фоссовой Газете" от 31-го января обращает к правительству требование, чтобы оно принудило промышленников ввести разного рода улучшения в производстве. Он говорит: „Почти во всех производствах и предприятиях можно еще значительно повысить степень использования материала, еще больше усовершенствовать организацию производства, поднять массовое производство на еще более высокую ступень. Там, где нормализация и типизация – а также ограничение программы производства по возможности немногими предметами—наталкивается на сопротивление, – (а это имеет место лишь со стороны немногих outsider ov) – там придется прибегнуть к некоторому принуждению при помощи особых законодательных мер, которые еще должны быть вырабатаны.

„Что выходит, когда государство, т.-е. правительство, не проявляет интереса к рациональному использованию материала, – это ясно показывает угольный голод нынешнего года со всеми его катастрофическими последствиями. Техники своевременно, т.-е. уже в прошлом году, делали соответственным учреждениям одно предупреждение за другим, однако, на их предостережения не обращали никакого внимания, и та же судьба постигнет, повидимому, все предложения, клонящиеся к смягчению угольного кризиса в предстоящем году. Эти предложения сводятся, главным образом к повышению степени действия топочных установок, т.-е. к достижению того же самого теплового эффекта со значительно меньшими количе-

ствами топлива. Приблизительные вычисления показывают, что на одном только домашнем угле можно было бы сберечь таким образом около 8 миллионов тонн угля, которые освободились бы для транспорта и промышленности".

Далее Кунце указывает на то, что многие материалы остаются неиспользованными, он указывает, напр., на возможность добывания неограниченных количеств спирта через ацетон и извлечения ценных химических продуктов из дыма и газов горения, ныне уходящие без пользы в фабричные трубы.

„До сего времени", говорит он, „пионерскую работу в намеченных мною областях технического исследования производила исключительно частная промышленность. Возможность этого в дальнейшем представляется сомнительной, ибо, во-первых, соответственные отрасли промышленности завалены заказами до пределов человеческой возможности и не имеют ни времени, ни персонала для работ по производству исследовании. Во-вторых, вследствие сильного увеличения расходов на сырье и заработную плату, промышленный капитал настолько сократился (тем более, что все что только можно продают за-границу, где и оставляют деньги, во избежание налогового обложения и социализации. *Прим. автора*), что грандиозные проекты, осуществление которых было бы в интересах народного хозяйства, совершенно не могут быть осуществлены теми средствами, которые в настоящее время имеются в распоряжении частных предприятий. Мы оставляем в стороне вопрос, о том, что было бы выгоднее: чтобы государство в дальнейшем взяло в свое непосредственное ведение этого рода работы по изысканиям, или чтобы оно только оказывало действенную помощь путем предоставления промышленности необходимых средств на оплату научно-технических проектов, открывающих богатые перспективы".

Итак, здесь открыто признается банкротство частного хозяйства. Частное хозяйство не предприняло необходимых улучшений. Оно отказывается — во вред целому—от массового и специализованного производства по той простой причине, что вследствие обеднения народных масс, оно ныне в состоянии производить только предметы роскоши, для господствующих классов. У него нет достаточного капитала для технических изысканий,—хотя в стране обращается около 50 миллиардов бумажных денег и хотя руководитель Германского Банка Гвиннер еще недавно открыто признал, что в капиталах недостатка в стране нет. Действительно, процент по вкладам в банках очень низкий— ясное доказательство того, что предложение капитала больше, чем спрос на него. Следовательно, ни то, ни другое

возражение не может служить оправданием того, что частная промышленность оказывается неспособной поднять хозяйство на высшую ступень. И сам Кунце должен признать, что эти задачи могут быть разрешены только при помощи об'единяющей организации, которая вела бы планомерное хозяйство. Таким образом, когда говорит техник, мы слышим совершенно иные ноты, чем когда говорят сами предприниматели. Здесь социализация уже не противопоставляется производству, а скорее наоборот, планомерная организация хозяйства выставляется, как предпосылка экономического обновления. Но наивно требовать, чтобы правительство предоставило в распоряжение промышленников крупные денежные средства, не обеспечив за собой контроля над хозяйством. Против такого контроля, наверно, не найдет возражений даже большинство сведущих людей, поскольку они не заинтересованы в прибылях частной промышленности.

За общественную организацию хозяйства высказалось и большинство комиссии по социализации, в состав которой, наряду с двумя независимыми социалистами — Гильфердингом и Баллодом—входили два социалиста большинства, Кунов и Умбрейт, и три профессора: Ледерер, Шумпетер и Вильбрандт. В своем докладе комиссия говорит: „Общество, обедневшее вследствие войны, должно избегать всяких издержек, связанных с конкурренцией, всяких излишних потерь от трения капиталистического производства. Оно нуждается в организации хозяйства... И комиссия в своем большинстве не предлагает ничего другого, как полное обобществление. При этом она вполне сознает, что положение страны тяжелое и опасное. Однако, она держится того мнения, что именно трудность положения требует ясного, твердого решения, и, отклоняя все компромиссы, рекомендует поэтому такое решение, при котором социалистическая идея уже теперь получала бы осуществление в той форме, которая соответствует высоте нашего организационного развития".

Таким образом, и большинство комиссии по социализации держалось тогда того мнения, что именно, вследствие тяжелого экономического положения необходимо перейти к социализации, и притом социализации полной. Остались ли доныне при этом мнении представленные в комиссии социалисты большинства,—мы не знаем. Но что правительство, состоящее из социалистов большинства, ныне отвергает социализацию—это в достаточной степени явствует из министерских речей.

Об'ем Социализации.

Почти все, высказывающиеся за социализацию, требуют, в силу различных соображений, прежде всего социализации

горной промышленности. Не только потому, что уголь составляет основу всей экономической жизни, но главным образом на том основании, что угольная промышленность находится в руках частно-капиталистических монопольных организаций— угольных синдикатов. Точно также и комиссия по социализации в своем докладе находит, что для Германии решающим является то обстоятельство, что большая часть угольной промышленности об'единена в областные монопольные синдикаты и конвенции. Господствующее положение синдикатов зиждется на праве собственности на залегающих в недрах каменноугольные пласты: эта монополия на важнейшее сырье дает им могущество, которым они пользуются во вред остальным согражданам—потребителям, рабочим и всем, занятым дальнейшей переработкой материалов... (См. доклад комиссии по социализации, стр. 3 и 4).

В своем докладе на с'езде советов в Берлине, Гильфердинг говорил, что социализация должна ограничиться теми отраслями промышленности, в которых подготовительная работа уже совершена картелями и трестами. В таком случае социализация должна была бы охватить и значительную часть железной промышленности, которая тоже картеллирована. Профессор Бюхер находит, что и лесное хозяйство пригодно для социализации. Анонимный автор уже упоминавшейся выше брошюры о социализации и восстановлении промышленности, прекрасный знаток экономических условий в горной и тяжелой металлургической промышленности, тоже полагает, что социализация может начаться с угля и стали. Тем не менее он держится мнения, что социализация всей горной промышленности в целом была бы ошибкой, ибо как раз в горной промышленности имеется ряд предприятий, где со стороны предпринимателя требуется большая смелость и готовность итти на риск... Достаточно вспомнить десятки горнопромышленных предприятий, созданных вследствие одного лишь предположения о наличности залежей меди, свинца или олова; о предприятиях, где из десяти девять рано или поздно оказываются эфемерными... Для социализации подобные предприятия не могут итти в счет... Поэтому, анонимный автор полагает, что в области горной промышленности речь пока может итти только об угле, а при некоторых условиях также и о железной руде и калии. Все остальное может быть пока оставлено в стороне.

В ответ на это нужно сказать, что предприниматели, как уже указывалось выше, совершенно не думают теперь о производстве новых разработок. Мы уже видели, как предприниматели относятся к новым техническим усовершенствова-

ниям. Совершенно так же они относятся и к новым разработкам. Но даже, если бы предприниматели готовы были поставить на карту свои деньги, то все-же остается вопрос—может ли государство теперь еще допускать свободную разработку недр, или же необходимо установить верховенство государства в этой области.

Зато по отношению к железной и стальной промышленности анонимный автор, напротив, полагает, что утверждение, будто она слишком сложна для какой-бы то ни было социализации, является ошибочным. По его мнению правильно как раз обратное. Ни в какой другой отрасли промышленности существующие недочеты не вопиют до такой степени о необходимости социализации, как в стальной промышленности. Поэтому он полагает, что социализацию угля и стали нужно начинать одновременно. Обе эти промышленности технически до такой степени связаны друг с другом, что социализация одной без социализации другой неизбежно вызвала бы самое тяжелое экономическое расстройство.

Правда, он считает, что о немедленной полной социализации железа, угля и стали совершенно не может быть речи. По его мнению, последствия такой насильственной общей социализации достаточно ясно показали себя в России. Но ведь советскому правительству не удалось длительно взять в свои руки угольную и железную промышленность, сосредоточенные в Южной России. Общая социализация распространилась как раз на другие отрасли производства, угольная же и железная промышленность были денационализированы во время германской оккупации и власти Деникина. Можно даже прямо сказать, что наблюдавшиеся в России неблагоприятные экономичгские результаты социализации проистекали как раз из того обстоятельства, что эти две главнейшие отрасли промышленности *не были* социализированы. И действительно, эти неблагоприятные результаты следует скорее отнести за счет недостатка угля и железа, чем за счет социалистической формы владения.

Предлагаемый автором цитируемой брошюры план частичной (10—15%) социализации угольной и железной промышленности представляется ему, впрочем, только как опыт, причем, правда, сам автор отнюдь не думает, что этот опыт необходимо продлить Бог весть как долго, прежде чем перейти к социализации прочих предприятий. В общем, самым лучшим возражением против его плана является, как нам кажется, уже приведенное нами его же указание на то, что повышение производительности национализированных Вендельских доменных печей и стальных заводов не удалось, вследствие про-

тиводействия остальной тяжелой индустрии. Было бы интересно узнать, почему, когда государство возьмет в свое ведение 10 или 15% угольных и железных предприятий, дело должно пойти лучше, чем с Вендельскими предприятиями?..

Мы знаем, что Прусская казна владеет довольно значительным числом горнозаводских предприятий, и тем не менее это осталось почти без влияния на угольную политику синдиката. Следовательно, дело заключается в *характере* того государства, которое проводит национализацию, что обыкновенно упускается из виду теми, кто пишет о социализации. Когда государство является ни чем иным, как выразителем воли правящих классов, тогда и огосударствление будет означать только несколько иную форму того же самого капиталистического хозяйства. В особенности же тогда, когда национализируются лишь отдельные отрасли хозяйства. Все это не меняет ни характера хозяйства, ни государства. Впрочем, разумеется, на практике и при полной социализации можно будет поступать таким образом, что сначала государство возьмет в свое ведение ряд важнейших предприятий и преобразует их организацию, и уже только затем постепенно перейдет к социализации остальных предприятий.

Социализация промышленности.

Гораздо сложнее, чем вопрос о социализации горнозаводской промышленности—включая и железоделательную,—представляется проблема социализации обработывающей промышленности, занятой производством готовых изделий. Здесь мы большей частью имеем дело не с массовым производством, а с производством специальных изделий, способ изготовления которых обыкновенно составляет секрет отдельных предприятий. В таких случаях устранение директоров и управляющих могло бы стать роковым для производства. Разумеется, ни одна партия, требующая социализации, не имеет намерения устранять из предприятий эти элементы; наоборот, все они желали бы использовать их для дальнейшего хода производства. Однако при существующем положении вещей эти элементы отчасти лично заинтересованы в том, чтобы предприятия оставались частной собственностью, отчасти вообще держатся частно-капиталистической ориентации, вследствие чего существует опасность, что на социализацию предприятий эти элементы ответят саботажем. Поэтому, прежде чем приступить к социализации таких предприятий, необходимо попытаться привлечь эти элементы на сторону социализма.

Впрочем, в настоящее время задача обрабатывающей промышленности далеко не заключается в специализации, а напротив, в нормализации и массовом производстве. Поэтому именно в настоящее время проведение социализации сравнительно гораздо легче, чем это было бы раньше и—чем это будет потом, когда германская промышленность вновь достигнет той высоты развития, при которой специализация становится необходимостью.

Не подлежащей социализации комиссия по социализации признала всю экспортную промышленность. Профессор Бюхер с полным правом спрашивает: почему экспортная промышленность и внешняя торговля не могут быть социализированы? почему иностранные покупатели товаров германского происхождения станут покупать эти товары у предприятий, принадлежащих государству, менее охотно, чем у частных предприятий? И почему не заменить частные торговые сношения товарообменом между государствами на началах компенсации? (Бюхер, стр. 13). Нам думается, что падение нашей валюты достаточно ясно показало теперь уже всем, желающим видеть, что иная форма торговли, кроме прямого компенсационного обмена между государством и государством едва ли представится возможной [1]). Трудность социализации экспортной промышленности лежит совершенно в другой области, а именно в том, что это — промышленность, производящая специализованные изделия. До войны наша экспортная торговля завоевала себе мировой рынок, поставляя специализованные изделия высокого качества. Если в дальнейшем дело будет обстоять так же (а недостаток сырья прямо-таки принуждает Германию к подобного рода экспортной промышленности), социализация столь разветвленной „качественной" промышленности, завоевывающей себе мировой рынок в ожесточенной конкуррентной борьбе, действительно представляет весьма сложную проблему. Тем более, что при этом едва ли можно будет рассчитывать (как уже указывалось выше) на сотрудничество прежних технических руководителей предприятий. Но — повторяем—так как при нынешнем огромном недостатке всякого рода товаров, вопрос идет не столько о товарах высокого качества, сколько о таких вообще товарах, которые при всех условиях находят себе легкий сбыт, то именно в настоящее время и в этой области проведение социализации легче, чем оно было бы в какое бы то ни было другое время.

---

[1]) См. статью профессора Ястрова в «Фоссише Цейтунг» от 23 го января 1920 года.

Социализация банков

Что касается *обобществления банков*, то мы находим, что Отто Бауер, пожалуй, прав, когда говорит, что социализация банков не может быть *началом* великого дела осуществления социализации, а скорее должна быть его завершением, увенчанием. Он говорит: „В последние десятилетия перед войной банки подчинили себе всю крупную индустрию. Над промышленниками стоял, как их владыка и господин, финансовый капитал. Поэтому всякий, кто в те дни взвешивал возможности социализации промышленности, с полным правом мог думать, что начинать таковую лучше всего с социализации банков, ибо, подчинив себе банки, общество тем самым уже становилось хозяином и всей промышленности.

„Но война существенно изменила функции банков. За время войны банки до такой степени стали орудиями государственного кредита, что перед этой их функцией все остальные отступили далеко на задний план. В сущности, во время войны банки являлись ничем иным, как реквизиционными учреждениями военного ведомства, которым поручалась задача выкачивать для нужд войны последнюю свободную копейку. В результате большая часть активов банков состоит в настоящее время из долговых требований к государству и ссуд под государственные долговые обязательства. Поэтому обобществление банков имело бы в настоящее время совершенно иные результаты, чем в годы, предшествовавшие войне. Кроме того, в настоящее время, когда для воссоздания нашего хозяйства мы так нуждаемся в иностранном кредите, осуществить это обобществление банков едва ли было бы так легко, как в мирное время, и едва ли оно было бы так полезно и действительно, как тогда... Нужно сначала дать банкам возможность ликвидировать свои военные операции и вновь начать и развить нормальные операции мирного времени,—и только тогда можно будет думать о социализации банков".

Мы не будем входить в рассмотрение вопроса, во всех ли странах банки до такой степени превратились в учреждения по выдаче ссуд для финансирования войны, как в Германии. Важнее то, что еще в течение некоторого времени необходимо сохранить за банками функцию кредитования частных предприятий. Даже сторонники полной социализации сознают, что социализацию нельзя осуществить в один день—что это неизбежно будет длительный процесс, причем, главным образом, мелкие и средние предприятия, кустарная промышленность и ремесло, еще в течение долгого времени будут работать

как частные предприятия. Быстрое осуществление полной социализации мелкой и средней промышленности едва ли возможно и чисто технически. Оно привело к большим ошибкам в России, где, впрочем, домашняя и кустарная промышленность не национализированы. Об'единение мелких предприятий в крупные (которыми одними только и можно управлять общественно) привело бы на первых порах к тому, что значительная часть занятых в этих предприятиях рабочих очутилось бы на улице— если только производство не будет значительно расширено и не потребует поэтому гораздо большего числа рабочих. Но расширение производства—дело не столь простое. Оно всегда зависит от весьма многих технических и экономических условий, а в настоящее время производство вообще поневоле ограничивается недостатком сырья, топлива и орудий производства. Но раз совершенно нельзя рассчитывать на возможность расширения производства, то в результате социализации средней и мелкой промышленности значительное число трудящихся оказалось бы безработным—и уже одно это делает невозможной немедленную социализацию мелкой и средней промышленности. Правда, последняя мыслима еще таким образом, что государство создает сложный механизм управления, превращающий всех рабочих этих предприятий в государственных служащих. Но что в таком случае производительность труда рабочих быстро упадет—это ясно само собой и не требует доказательств.

При этом нужно еще указать на формулированный Бюхером „закон массового производства"; заключающийся в том, что более совершенный способ производства является более выгодным и более дешевым только тогда, когда он применяется для производства товаров в расширенном масштабе. Если же количество производимых товаров остается прежним, то более совершенная организация производства оказывается весьма дорогим удовольствием—прямым расточением капитала.

С другой стороны, совершенно не видно, почему бы мелким предприятиям не оставаться до поры до времени частновладельческими. Если в рамках капиталистического общества сохранялись многие производственные формы прежних экономических периодов—даже пережитки феодализма—то и социалистический строй тоже мог бы мириться с некоторым числом частно-капиталистических предприятий (которые, разумеется, не должны, однако, занимать сколько нибудь выдающегося места). Каким образом будет происходить обмен товаров с этими предприятиями, каким образом их производство войдет в систему государственного распределения благ— это нам покажет будущее. Но принципиально против продол

жения существования подобных частновладельческих предприятий не может быть особых возражений. Несомненно, придется мириться еще долго с их существованием.

Но, раз дело обстоит так, раз о немедленной социализации мелких и средних предприятий никто не думает, то нельзя уничтожать и аппарата, который снабжает эти предприятия капиталами, дает им возможность существовать. Именно поэтому банки и должны продолжать свое существование до тех пор, пока распределение капиталов не будет организовано и государство не будет в состоянии само поддерживать все эти мелкие предприятия.

Нельзя также упускать из виду функции частных банков, как резервуаров капиталов. Им гораздо легче, чем государственному банку, сохранить доверие мелких сберегателей—особенно в бурную революционную эпоху. Правда, от общей политики правительства будет зависеть, в какой мере государство будет пользоваться доверием мелких сберегателей. Если национализация будет проводиться не путем экспроприации, а путем выкупа, то мелкие сберегатели будут доверять свои деньги и государству. Но во всяком случае, неразумно ломать механизм, собирающий капиталы, пока на его место не будет создано другого, действующего *столь же хорошо и исправно*.

Отто *Бауер* поэтому и не предлагает социализации банков, а только контроль над ними. Он говорит: „Социализация банков преследует совершенно другую цель, чем обобществление крупной промышленности или землевладения. Здесь вопрос идет не о передаче в руки народа владения землей и средствами производства, а лишь о том, чтобы вырвать из рук финансового капитала силу, которую ему дает распоряжение чужими капиталами, доверяемыми банкам,—и передать эту силу обществу. Поэтому в отношении банков нет необходимости в какой бы то ни было экспроприации. Достаточно передать представителям всего народа в целом власть, которая ныне осуществляется акционерами банков через избранные ими Правления. Это и будет сделано, когда законодательным путем будет устанавлено, что Правления крупных банков отныне выбираются не акционерами, а теми корпорациями, которые закон, для этих выборов призывает.

Разумеется, можно осуществлять контроль над банками и иным путем—назначением в каждый банк правительственного комиссара. Но, как бы то ни было, Бауер прав в том отношении, что в будущем функция банков будет заключаться в том, чтобы, под руководством государства, распределять капитал между различными отраслями производства, в зависимости от

сотребности, согласно общему хозяйственному плану. Таким образом, обобществление банков и явится решающим шагом в направлении полнаго уничтожения капиталистической анархии.

Социализация сельского хозяйства.

Что касается социализации сельского хозяйства, то мы совершенно согласны с *Бауером*, что необходимо социализировать лесное хозяйство и крупное землевладение, но что все остальное сельское хозяйство должно остаться неприкосновенным, хотя государство и должно обеспечить за собой ряд прав по отношению к частным сельско хозяйственным предприятиям. Например, необходимо дать общинам преимущественное право покупки (Vorkaufsrecht) каждого участка земли, поступающего в продажу. Крестьян и арендаторов придется обязать создавать кооперативы для сбыта и переработки зерновых продуктов. и только через посредство них они будут иметь право продавать свое зерно и т. д. Зато со своей стороны государство должно будет вести планомерную просветительную работу в области сельского хозяйства, путем устройства и содержания за свой счет зимних курсов, опытных полей, показательных станций. Необходимо будет также оказывать крестьянам содействие путем снабжения их удобрениями и машинами. В своей брошюре Бауер развертывает обширную аграрную программу в рассмотрение которой мы здесь не можем входить. Самым главным при этом будет — поддерживать и по возможности еще больше укрепить связь между городом и деревней, наделяя промышленных рабочих собственными имениями и давая им возможность отчасти и лично принимать участие в сельско хозяйственных работах.

Каким способом использовать крупное землевладение – передать ли его в распоряжение государства или же распределить между крестьянами и рабочими — это в настоящее время перестало быть спорным вопросом в рядах социал-демократии, решительно высказывающейся за крупные предприятия также и в сельском хозяйстве. Если в России советская власть в первый период революции шла по иному пути, то это было обусловлено исключительно политическими отношениями: советская власть желала опереться на крестьян, а крестьяне через своих представителей, левых социалистов-революционеров, требовали раздела имений.

Организация социализированных предприятий.

Как это ни странно, но все авторы, высказывающиеся в пользу социализации, в то же время высказываются *против огосударствления промышленности.*

„Социализация не есть огосударствление", говорит Вильбрандт. Это положение он выдвигает в прямой противовес учению Маркса, по которому огосударствление равнозначно обобществлению. Однако, и Каутский и Бауер тоже выступают против огосударствления предприятий. „Государство", говорит Каутский, является *не организацией хозяйства, а организацией власти,* („nicht Wirtschafts organisation, sondern Herrschafts-organisation"). Его бюрократия создана и приспособлена только для целей политического управления. Задача бюрократов заключается не в том, чтобы искать и проводить целесообразное, а в точном и добросовестном выполнении воли начальства.

„Так как инициатива исходит только сверху, никогда не снизу, то характерной чертой государственной бюрократии становится бездушная рутина, тупая приверженность к старой привычной форме, окостенелый консерватизм.

„Тем самым бюрократическое управление находится в полном противоречии с потребностями современного производства, технически революционного по своему существу, основывающегося на непрерывном революционизировании старых форм и методов".

В таком же роде высказывается и Бауер, который находит, что огосударствление может сделать правительство черезчур сильным по отношению к народному представительству. Он тоже держится взгляда, что государство будет плохо управлять промышленностью, и утверждает, что социал-демократия никогда не требовала огосударствления, а только обобществления. Что Комиссия по социализации и высказалась в таком же духе, это разумеется само собой. Та степень недоверия к государству, которая проявляется в выше приведенных мнениях, об'ясняется, повидимому, борьбой с германским бюрократическим и милитаристическим государством. И Каутский, и Бауер забывают, что социализация может осуществиться только в борьбе с сопротивлением других классов, и что только государство в состоянии сломить это сопротивление. Организация власти, поэтому, должна опираться прежде всего на организацию хозяйства и руководить последней. Бауер даже противопоставляет демократию — правительству, словно дело идет о буржуазном правительстве, представляющем какие-либо иные интересы, чем интересы народа.

Конечно, бюрократия может в известном смысле преследовать свои собственные интересы. Но что в социальной борьбе, среди которой социализация только и может быть осуществлена, эти интересы играют, весьма небольшую роль, и что, разумеется, и сама бюрократия должна быть реорганизована и демократизирована, прежде чем приступить к огромной задаче социализации производства, это Каутский и Бауер, странным образом, совершенно упускают из виду. Но тот же Каутский ясно видит выгоды огосударствления, а, именно, что огосударствление капиталистических предприятий позволит связать друг с другом целые отрасли промышленности и вести производство планомерно, благодаря чему наука и научно-подготовленные руководители смогут играть гораздо большую роль, чем это возможно при передаче предприятий производительным кооперативным товариществам, организационно совершенно не связанных друг с другом, и вообще при существовании отдельных, независимых друг от друга отраслей промышленности.

В противоположность этому взгляду, мы лично считаем, что в той мере, в какой будут исчезать классовые противоречия, государство все более и более перестанет существовать, как организация власти. В будущем государство превратится исключительно в экономическую организацию, и в этом именно заключается мысль Энгельса, когда он говорит о „преодолении государства“ в обществе будущего. Именно потому, что и Каутский и Бауер имеют в виду только частную социализацию, а не полную (хотя Бауер набросал план полной социализации), они думают, что можно удовлетвориться иной формой организации промышленности—формой, вполне пригодной для отдельных отраслей хозяйства, но не могущей быть распространенной на управление всей хозяйственной жизнью страны в ее целом. Действительно, каким образом организация, существующая независимо от государства, могла бы определять экономическую политику социалистического государства? И что останется от государства, если отстранить его от управления промышленностью?

Исходя из вышеуказанной—весьма странной—точки зрения, как Каутский, так и Бауер, желают, чтобы в управлении промышленностью принимали участие не только рабочие, служащие и чиновники, но *и потребители*. Каутский полагает, что существуют какие то особые интересы потребителей, стоящие еще над классовыми интересами (стр. 12). Что означают, собственно, „интересы потребителей“? Все, что общество, производит, распадается в главных чертах на две категории:

средства производства и средства потребления, причем последние в свою очередь распадаются на две группы: средства потребления, предназначенные для рабочего класса, и средства потребления, предназначенные для предпринимателей. Представление, будто существует какой-то общий „потребительский" интерес, есть не что иное, как иллюзия. Классовые противоречия в этой области проявляются еще резче и яснее, чем в области производства. Что производство ведется не в интересах трудящихся и общества в целом, а в интересах личных барышей—это доходит до сознания рабочих лишь постепенно, главным образом, во время кризисов, когда, вследствие капиталистической анархии производства, сбыт и производство останавливаются. Зато антисоциальное распределение благ, изобилие у богачей и недостаток у бедняков, рабочие чувствуют очень ясно. Каким образом при таких условиях может существовать „общий интерес потребителей" представляется совершенно непонятным. Каутский и Бауер, вероятно, имеют здесь в виду потребительные общества, считающиеся организациями „общественными", а не классовыми. Но в действительности потребительные общества суть классовые организации рабочих, и если бы им было предоставлено влияние на промышленность, то очень скоро произошел бы разрыв между потребительными обществами рабочих и потребительными кооперативами других слоев общества.

Бауер предлагает, чтобы для управления промышленностью был создан совет, состоящий на одну треть из представителей потребителей и на одну треть из представителей государства. Он говорит:

„Представители рабочих и служащих с одной стороны и представители потребителей с другой будут защищать свои противоположные интересы. Первые будут требовать более высокой заработной платы. Вторые—более низких цен. Представители же государства будут стоять между теми и другими, как посредники и третейские судьи".

Здесь выдвигается противоречие интересов потребителей и рабочих, словно рабочие не являются в то же время и потребителями. Утверждение, будто рабочие станут требовать высокой заработной платы даже в том случае, когда высокие цены не будут их принуждать к этому, является утверждением голословным, совершенно не оправдываемым фактами. Но Бауер, этого, вероятно, вовсе и не хотел сказать. По всей вероятности, он имеет в виду такое положение, при котором отдельная отрасль промышленности национализируется и переходит в

ведение государства, тогда как остальные отрасли—в особенности же сельское хозяйство—остаются пока в частном владении, вследствие чего у рабочих этой социализированной отрасли может явиться желание несколько улучшить свое положение и привести свою заработную плату в соответствие с высокими ценами на предметы питания. Если потребителями изделий социализированных предприятий являются предприниматели, набивающие себе карманы частной прибылью, тогда нельзя понять, почему рабочие должны отказываться от улучшения своего положения, и в каком смысле государство должно быть „посредником". Отведение государству роли посредника проистекает, вероятно также из взгляда на государство, как на организацию, стоящую вне классов. В истинно-социалистическом государстве не может быть различия, а тем более противоречия, между производителем и потребителем. В переходное же время государство вовсе не будет играть никакой посреднической роли. Если политическая власть действительно перешла в руки рабочего класса, тогда государство будет защищать интересы пролетариата и энергично поддерживать требования рабочих.

Мысль, лежащая в основе этих проектов организации обобществленной промышленности, заключается в том, что управление предприятиями не может быть передано только рабочим каждой данной отрасли промышленности,—но что необходимо создать какое-либо общее управление для всей промышленности. Это совершенно правильно. Даже в России отказались от взгляда, покоторому, отдельные предприятия могут управляться самими рабочими этих предприятий, а отдельные отрасли промышленности—профессиональными союзами. Организация промышленности должна совершаться по общему плану, и точно также и управление предприятиями. Поэтому необходимо, чтобы в органах управления могла проявляться воля всего общества в целом. В России это достигается тем, что Советы Народного Хозяйства—Высший или местные—назначают часть членов заводоуправлений. Потребительные общества, наравне с другими рабочими организациями, участвуют в выборах Советов Народного Хозяйства и тем самым получают влияние на управление промышленностью. Но во всех подобных организациях рабочим принадлежит преобладающее большинство голосов. Если бы вдобавок удалось привлечь на сторону рабочего дела служащих и административный персонал, в особенности технических руководителей, тогда, поистине, было бы

совершенно излишним создавать в отдельных заводоуправлениях еще какое-то отдельное представительство „потребителей". Ведь как распределение продуктов производства, так и установление цен должны производиться не отдельными заводоуправлениями, а специальными общегосударственными органами. Цены изделий должны находиться в известном соответствии друг с другом, главным образом, необходимо, чтобы сохранялось известное соотношение между ценами сельскохозяйственных продуктов и ценами промышленных изделий. Проблема цен вообще является, пожалуй, самой сложной проблемой социалистического хозяйства. Но во всяком случае, установление цен не может быть делом ни отдельных заводоуправлений, ни даже органов управления целых отраслей производства. А раз функция установления цен отпадает, тогда, даже с точки зрения Бауера нельзя понять, что будут делать в органах управления „потребители". Необходимо, чтобы организация и управление промышленностью находились в руках пролетарского государства, рабочих и служащих, и чтобы не происходило никакого раздробления этой власти.

Комиссия по социализации предложила создать для управления горнозаводской промышленностью общегерманское „Сотрудничество" (Arbeits gemeinschatt), которое представляло бы собой экономическую организацию с правами юридического лица. Помимо сомнений относительно способности государства рационально управлять промышленными предприятиями — сомнений, аналогичных сомнениям Каутского и Бауера — комиссия еще полагает, что ее предложению должно быть отдано предпочтение из соображений внешней политики. Всякое посягательство со стороны Антанты на подобный хозяйственный орган последней было бы так же трудно обосновать, как и посягательство на существующие частные предприятия. Этот довод постоянно выдвигают против социализации, хотя все отлично знают, как на то уже указывал Вильбрандт, что частная промышленность столь же мало защищена от посягательств со стороны Антанты, как и государственные предприятия. Возражая Бюхеру, Вильбрандт иронически замечает: „О милая невинная немецкая душа, заключившая *бухарестский мир* и столь быстро забывшая, что нами самими подан пример того, как можно в мирном договоре заставить служить победителю частную индустрию не в меньшей степени, чем государственные предприятия". (Стр. 238).

Таким образом, все возражения против огосударствления промышленности не выдерживают критики. Но разумеется,

форма огосударствления вовсе не должна быть похожа на нынешнюю систему управления государственными предприятиями. В то время, как в настоящее время предприятия управляются исключительно правительственными чиновниками, в будущем в управлении предприятиями непосредственное участие будут принимать также и рабочие— рабочие соответствующих предприятий и рабочие в совокупности их организации. Уже этим одним отчасти будет уменьшена опасность бюрократизации управления. Для осуществления такой системы управления необходимой предпосылкой являются, правда, хорошие взаимоотношения между рабочими, служащими и представителями правительства и — известное умение рабочих разбираться в технических и административных вопросах. Но, во всяком случае, социализация не будет проводиться таким образом, чтобы всеми предприятиями управляло непосредственно государство, или, скажем, Высший Совет Народного Хозяйства. Черезчур строгая централизация управления предприятиями, проводимая за последнее время в России, об'ясняется, вероятно, общим недостатком товаров и слабым развитием ее производства вообще, тогда как, при более широком и жизнеспособном производстве, следовало бы предоставить гораздо больше самостоятельности местным советам. Кроме того, вероятно, было бы рационально, чтобы некоторые виды производства передавались в ведение не общегосударственных органов, а местных и областных органов самоуправления. Сюда относится, например, пищевая промышленность, а также вся промышленность, работающая на местный рынок.

Коротко говоря, организацию промышленности можно себе представить следующим образом: Высший и местные советы народного хозяйства выбираются всеобщими и местными с'ездами профессиональных союзов, потребительных обществ и заводских советов, при чем часть членов назначается и Центральным Исполнительным Комитетом Советов. Таким путем в управлении промышленностью будут принимать участие и профсоюзы, и потребительные общества, и заводские советы, однако не непосредственно, а только путем избрания руководящих органов, которые сообща с рабочими и служащими данных предприятий и должны будут организовать непосредственное управление отдельными предприятиями и отраслями производства. Избрание этих руководящих органов рабочими организациями, контроль последних и участие в управлении фабрично-заводских комитетов (рабочих и служащих соответственных предприятий), гарантируют его, до известной степени, от вырождения в чисто бюрократическое управление. Но, ра-

зумеется, все зависит от активности рабочих организаций. При отсутствии или недостатке таковой, даже самая лучшая организация управления неизбежно выродится в бюрократизм.

Вопрос о компенсации.

Национализация или конфискация капитала—этот вопрос в России обсуждался очень мало, а на практике решался различным образом. В германской литературе все без исключения авторы, высказывающиеся за социализацию, решительно отвергают конфискацию, и можно сказать, вполне резонно. Русская практика в этом отношении не служит ободряющим примером, и Бауер повидимому, прав, когда говорит, что конфискация капиталистической собственности неизбежно должна привести к страшному опустошению средств производства. Это тем более правильно, что национализация промышленности, ведь, не может произойти сразу, а применение конфискации должно будет парализовать и все остальные, еще не национализованные отрасли производства. Ведь трудно предполагать, чтобы капиталисты-предприниматели продолжали вкладывать свои капиталы в предприятия раз им угрожает опасность конфискации. Наоборот, они постараются извлечь их из своих предприятий. Если, вообще, нужно опасаться саботажа предпринимателей, как средства борьбы против национализации, то конфискация прямо-таки подстрекала бы их к саботажу. Поэтому правильнее итти путем, указываемым Бауером, Каутским и другими, а именно, проводить *национализацию с выкупом*, причем, разумеется, выкупная сумма должна быть получена путем обложения имущества и крупных доходов.

Получение ее таким путем имеет, правда, одну теневую сторону; еще не национализированные предприятия облагаются, при этом, в пользу владельцев национализированных предприятий, что чрезвычайно затруднит дальнейшее существование первых. Но если при обложении будет проводиться различие между трудовым доходом, прибылью и рентой, то можно будет до известной степени уменьшить бремя, падающее на продолжающие работать частно-владельческие предприятия, возложив его, главным образом, на доход от рент. Во всяком случае, несомненно, что только таким путем „экспроприация экспроприаторов" может быть совершена организованно и планомерно, без всякой излишней поспешности. Переход предприятий в ведение государства может происходить только постепенно, по заранее намеченному плану. И, чтобы избежать необходимости спешить, нужно отказаться от конфискации.

Правда, с другой стороны, здесь приходится считаться и с вопросом о борьбе против предпринимателей. Капитал, предоставленный в их распоряжение в качестве выкупной суммы, ведь может в их руках послужить орудием борьбы против государства! Именно это соображение, вероятно, и побудило, советское правительство в России произвести конфискацию всей капиталистической собственности. Но в этом отношении выкуп можно вполне обезвредить, выдавая предпринимателям не деньги, а долговые обязательства, контроль над использованием которых государство оставляет за собой. Таким образом государство дает предпринимателям право на некоторую долю общественного продукта труда, и в то же время делает невозможным использование ими своих капиталов во вред социалистическому правительству.

Против компенсации предпринимателей можно было бы еще возразить, что таким образом им обеспечивается нетрудовой доход, что противоречит самому принципу социализма. „Не трудящийся да не ест". Но при осуществлении столь грандиозного преобразования нельзя сразу же начинать с осуществления всех принципов во всей их чистоте. Социалистический принцип можно будет осуществить только после полной социализации и уничтожения классов. В переходное же время придется допускать целый ряд всевозможных компромиссов, как это делается и в России. Однако, разумеется, никто и не думает о том, чтобы рента, которую государство предоставило предпринимателям, была пожизненной или, еще менее — наследственной. Речь может, конечно, итти только о ренте на некоторый срок, более или менее продолжительный.

Осуществление идеи социализации на практике.

Со времени революции прошло уже больше года, а осуществление социализации в Германии, в общем, совершенно не подвигается вперед. Наоборот, с середины 1919 года можно констатировать значительный регресс. Уже в начале апреля 1919 года комиссия по социализации, учрежденная в ноябре 1918 года, сложила с себя полномочия [1]). Этот шаг она мотивировала тем, что с первого же дня ей пришлось бороться с явной и скрытой обструкцией со стороны министерства народного хозяйства; что ей отвели роль лишь подсобного совещательного органа, лишенного всякого значения; что ей не давали возможности работать, а в решительные моменты не да-

[1]) В настоящее время создана новая комиссия по социализации.

вали возможности оказывать какое-либо влияние; что ее работами, проектами и постановлениями совершенно не интересовались.

Еще 15-го июня 1919 года партейтаг социалистической партии большинства потребовал от своей фракции проведения социализации в тех отраслях, где она возможна, а там, где она невозможна—замены чисто капиталистического частного хозяйства хозяйством планомерным, находящимся под общественным контролем и ведомым в интересах народа в его целом. В этой резолюции далее подчеркивается, что те ответственные решения, в области хозяйственной политики, которые придется принять, вследствие общего бедственного экономического положения Германии, необходимости ликвидировать военное хозяйство и выполнения условий могущего быть заключенным мирного договора, побудят к тому, чтобы не допустить отсрочки в организации народного хозяйства на общественно-хозяйственных началах".

Это было 14-го июня, а месяц спустя, 15-го июля, Виссель (представлявший в министерстве народного хозяйства идею планового хозяйства) вынужден был подать в отставку, ибо (по его заявлению) его коллеги по кабинету и партия оставили его без поддержки. Заменивший его на посту министра народного хозяйства Шмидт немедленно выступил против планового хозяйства и начал травлю против рабочих за их якобы нежелание интенсивно работать. Его положительная программа заключалась исключительно в торговых и финансовых монополиях (на водку, керосин, табак и тому подобное).

В составленной Висселем и Меллендорфом докладной записке министерства народного хозяйства излагаются причины такой политики правительства. Это—принцип коалиции, принцип сотрудничества с буржуазными элементами, заранее делающий бесплодными всякие начинания в направлении осуществления социализма.

„Причины,—говорится в меморандуме,—кроются в затруднениях, проистекающих из самой сущности коалиционного министерства и заключающихся в том, что приходится отказываться от принципиальных разногласий, лишь бы не подвергнуть опасности дальнейшее существование коалиции.

„Но коалиция, существование которой поддерживается подобными мерами, рано или поздно должна погибнуть, ибо она окажется лишенной программы и безидейной и внезапно спасует перед натиском какого нибудь меньшинства.

„Все, что в рамках этой беспрограммной коалиции до сего времени делалось в области экономических и социальных возвещаний, носит на себе печать вынужденного компромисса и вы-

зывает в стране сомнения в искренности намерений правительства.

„При отсутствии ясной и недвусмысленной программы в области внутренней и экономической политики, вся деловая политика кабинета в особенности, по мнению министерства Народного Хозяйства, социальная, финансовая и хозяйственная сильно страдала, иными словами, социализм страдал в угоду демократическому принципу".

Что социализм сильно страдал—это совершенно верно. Но что его приносили в жертву демократическому принципу—это, разумеется, только „дипломатическая фраза". О том, как в Германии обстоит дело с демократическим принципом, лучше и не говорить. Ведь, вся страна еще находится на осадном положении, при котором открыто проводится диктатура военной партии. Достаточно еще указать, что члены императорской фамилии все еще пользуются особыми привилегиями. (Например, их письма, адресованные за-границу, не просматриваются цензурой, тогда как письма всех остальных граждан вскрываются; посылать поздравительные телеграммы на имя частных лиц запрещено, но посылать их на имя Вильгельма, не возбраняется,—того самого Вильгельма, которому „демократическое правительство" послало подарок в сто миллионов, в виде компенсации за „его" имения).

Когда в начале марта 1919 года в Берлине начались общие забастовки и уличная борьба, правительство вспомнило про требования горнорабочих и провело в Национальном Собрании закон о „социализации" угольной промышленности. Историю этого закона профессор Вильбрандт излагает следующим образом:

«Зима оказалась сносной только по милости Неба, пославшего нам *мягкую* зиму, в чем только и заключалось наше спасение. Иначе нам пришлось бы замерзнуть при том недостатке угля, который парализовал всякую возможность производства и транспорта, создав положение, гораздо худшее, чем то, которое существовало во время войны. В демобилизационном ведомстве получались сообщения одно хуже другого: о полной невозможности производить строительные работы, рыть каналы и т. д., Для всего этого недоставало главного условия:—угля, необходимого для изготовления вспомогательных материалов и для транспорта. Наряду с углем недоставало также тех бесчисленных побочных продуктов, получающихся при коксовании каменного угля—в том числе и продукта, при помощи которого достигается превращение соломы в сильное кормовое средство, в результате чего грозила гибель лошадям живших на этих кормах. В угле для молотьбы недостаток ощущался уже и раньше, а тем самым мы лишались возможности обеспечить себе насущный хлеб [1]).

«При этом забастовка следовала за забастовкой»...

Чтобы успокоить «дикую» толпу (по милому выражению господина профессора) необходимо было сказать им «волшебное слово». «Это волшебное слово было сказано, и оно подействовало. Но заслуга—здесь принадлежит не берлинскому правительству.

Судья Рубен следующим образом описывает события, разыгравшиеся в Рурской области (цитируем по Вильбрандту, стр. 253—254):

«После революции самосознание горнорабочих сильно возросло. Они требовали участия в управлении предприятиями и не желали—как постоянно приходилось

[1]) Отсюда видно, что не революция, а война вызвала угольный голод.

слышать—продолжать работу при старых условиях, как «рабы» (либо, поскольку они возвращались с военной службы, вновь приниматься за нее при таких условиях)... Цены на уголь быстро росли. Угольному синдикату благодаря его влиянию и связям удалось добиться значительного повышения цен с 1-го января. Эта односторонняя хозяйственная политика предпринимателей вызывала все новые требования со стороны горнорабочих в смысле увеличения заработной платы... Существующие четыре организации горнорабочих старались образумить рабочих, об'ясняя им посредством листовок и воззваний огромное значение каменного угля для страны *и народа* в целом. Но у части горнорабочих было определенное чувство, что таким образом их хотят лишить завоеваний революции. Во многих местностях началось недовольство организациями, и так как горнорабочие, лишенные сознательного руководства в социалистическом духе, привыкли выражать всякое свое недовольство требованиями повышения заработной платы, то эти требования все росли и росли. Неорганизованные стачки были в порядке дня. Воззвание прусского министра от 3-го января не оказало никакого действия».

10-го января была об'явлена всеобщая забастовка во всем Рурском угольном бассейне. Но еще днем раньше, 9-го января, Эссенский совет рабочих и солдатских депутатов постановил немедленно начать социализацию рейнско-вестфальской угольной промышленности, причем, как внешнее проявление этого, предполагалось занять здания угольного синдиката и союза горнопромышленников, являвшихся в глазах рабочих символами господства капитала.

«Но и эти шаги грозили оказаться запоздалыми. На одном собрании бастующих горнорабочих, в пятницу вечером, 10-го января 1919 года, возбужденное настроение рабочих достигло крайнего предела. Можно было опасаться в воскресенье, 12-го января бурной демонстрации в Эссене и нападения на здание Союза горнопромышленников и угольного синдиката». Это могло привести к полному сокращению добычи угля, даже к затоплению шахт. Чтобы предупредить все это, совет рабочих и солдатских депутатов уже 11 января об'явил, что здания угольного синдиката и союза горнопромышленников занимаются народными комиссарами и, ссылаясь на этот первый шаг к социализации угольной промышленности, призывал к возобновлению работ.

«Успех принятых мер оказался неожиданным для самых пылких оптимистов». Работы всюду возобновились, так что даже «Фоссова газета» потребовала легализации спасительного шага.

Но правительство, разумеется, не спешило с подобными мероприятиями. «Потребовалась новая борьба», говорит Вильбрандт, «потребовались новые жестокости со стороны массы, доведенной до границы безумия, потребовались сотни человеческих жизней, прежде чем страх стал достаточно велик, чтобы побудить правительство провести *мнимую социализацию*, которая в действительности оказалась только повторением давно существовавшего порядка вещей». (Стр. 234).

Действительно, большего лицемерия, чем этот закон о социализации — особенно после „поправок", внесенных в него Национальным Собранием — трудно найти. Было принято два закона о социализации. Один представлял собой общую декларацию относительно „нравственной обязанности" работать на пользу коллектива и обещание социального обеспечения безработных (существовавшего уже с ноября 1918 года). Далее, этот закон дает правительству, право за соответственное возмещение и законодательным путем провести следующие меры:

1. Взять в ведение нации хозяйственные предприятия, пригодные для обобществления, в особенности предприятия по разработке недр и использованию сил природы.

2. В случае настоятельной необходимости, регулировать производство и распределение благ по принципам общественного хозяйства.

К § 4 еще добавлено, что специальные законы будут регулировать использование по принципам общественного хозяйства угля, кокса, антрацита и водяной силы, а также иных источников энергии и самой энергии, причем практическое осуществление общественного хозяйства может быть передано либо центральным общенациональным органам, либо отдельным государствам, входящим в состав Республики, либо муниципалитетам, союзам последних или автономным хозяйственным организациям.

В противоположность первоначальному законопроекту, в том виде как он был выработан правительством, закон устанавливает не *обязанность* социализации, а только допустимость ее, и притом за „соответственное возмещение", не устанавливая точнее, что следует понимать под этим. Далее, передача в общественное ведение благ, производимых не социализированными предприятиями, может совершаться лишь „в случае крайней, настоятельной необходимости". К тому же буржуазная часть правительственного большинства, рискуя вызвать оппозицию даже со стороны социалистов большинства, провалила требование о том, чтобы социализация была начата безотлагательно, так что этот закон в сущности не обязывал правительство ни к каким практическим шагам. Наконец, слова „всякого рода топливо", немедленную социализацию которого желал первоначальный законопроект, были заменены словами: „уголь, кокс, антрацит", что представляет собой сужение понятия, ибо таким образом из социализации исключаются жидкое топливо и дрова.

Во время дебатов в Национальном Собрании было еще констатировано, что на сельское хозяйство закон о социализации не распространяется, ибо для него действительными являются только специальные постановления, содержащиеся в конституции. Таким образом, вопреки требованиям почти всех социалистов и даже многих буржуазных экономистов, „демократическое" Национальное Собрание отклонило социализацию земельной собственности и лесов, отводя сельскому хозяйству особое положение, по старым традициям рейхстага, где господствовали аграрии. Как политически, так и экономически прерогативы аграриев остались для „революционного" Национального Собрания неприкосновенными.

Второй закон регулирует управление угольной промышленностью. Для непосредственного управления создается „*Общеимперский Совет угольной промышленности*", а общие принципы и положения устанавливает особый *Совет сведущих лиц* (Sachverständigenrat). Обе эти организации составляются следующим образом: Совет сведущих лиц состоит из 50 членов, из коих 15 рабочих и 13 предпринимателей назначаются правительством по предложению „Сотрудничества" (Arbeitsgemeinschaft, см. выше,), двое предпринимателей назначаются прусским министром торговли и промышленности, а остальные 20 членов назначаются правительством с таким расчетом, чтобы 3 из них были представители торговли, 2—представители техники, 1—представитель торговых служащих, по 2—рабочие и предприниматели, представляющие потребляющую уголь промышленность, 2—предприниматели, представители мелкой промышленности, 2—представители кооперации, по 1—из кругов городских и сельских потребителей угля и по 1-му из кругов специалистов по части угольной промышленности, и изысканий, транспорта и техники паровых котлов. Из этого перечня ясно, что преобладающее влияние дано предпринимателям. Совет сведущих лиц со своей стороны в заседании середины апреля 1919 года создал Совет Угольной Промышленности из 50 членов, представителей горнорабочих, углепромышленников, науки и потребителей угля.

По такому же образцу 24-го апреля был издан закон о регулировании калийной промышленности.

Уже неоднократно упоминавшийся нами анонимный автор меморандума о социализации и восстановлении нашей промышленности говорит об этих мероприятиях по социализации следующее:

«Социализация угольного и калийного синдиката суть только половинчатые меры, ибо они нисколько не приближают нас к разрешению самого важного вопроса—вопроса о регулировании цен. Синдикат не может судить о себестоимости производства в предприятиях и потому может проявить лишь самую ограниченную деятельность в вопросе о ценах. Далее здесь отсутствует возможность непосредственных социальных мероприятий в пользу горнорабочих, ибо синдикат, как таковой, не является работодателем. Государственный Угольный Совет также шествовал всецело по частно-капиталистическому пути. Этот орган мыслился, несомненно, как противовес односторонним и вредным для общества в его целом частно-капиталистическим тенденциям в угольной промышленности—в особенности в вопросе о ценах. Но выясняется, что в нем огромный перевес имеют как раз частно-капиталистические предприниматели, включая послушную им часть торговцев и рабочих представителей. Таким образом предприниматели заседают в Угольном Совете в качестве судей, которые судят собственные свои действия в качестве углепромышленников,— вследствие чего все это скорее похоже на комедию. По меньшей мере, нужно было бы потребовать, чтобы членом Совета не мог быть никто, так или иначе участвующий в угольных предприятиях и заинтересованный в их прибылях (в качестве ли служащего, директора, капиталиста или члена наблюдательного совета). Подходящих техников и экономистов, отвечающих этому элементарному требованию, найдется, ведь достаточно».

Так судит буржуазный социал-реформатор о законе социализации социалистического правительства! Так правительство сдержало обещание, которое наряду с независимыми и коммунистами! дали горнорабочим и социалисты большинства! Вильбрандт прав, вероятно, когда спрашивает: „сколько человеческих жизней правительство еще желает видеть погубленными, прежде чем оно решится на честную социализацию?“ (стр. 235).

Результат этой „социализации“ горной промышленности проявился в быстром росте цен на уголь, в особенности именно за последний год. В нижеследующей таблице показаны цены на уголь в Рурской области Верхней Силезии и Нидерлаузице

	1913/1916	окт. 1917	сент. 1918	Янв. 1919	Дек. 1919	
Рурская область.						
Уголь (Fettstück)	14.—	16 50	27,—	29 55	44,—	89.60
Доменной кокс	18 50	19.—	33.60	37.20	58.90	125,65
Брикеты	14,50	17,25	29,00	31,55	47,25	108,25
Верхняя Силезия.						
Уголь	14,80	17,—	27,40	29,90	44,40	94,30
Нидерлаузиц.						
Бурый уголь	2,00	2,70	2,70	8,40	12 00	21,50
Брикет	12,00	13,00	19,80	24,60	35,40	65,85

Неоднократно упоминавшийся нами специалист по горному делу, автор докладной записки о социализации и восстановлении нашей хозяйственной жизни, решительно оспаривает необходимость этого повышения цен. (стр. 7).

Закон о *социализации электрической промышленности* явился шагом вперед, дав государству право национализировать силовые станции и предприятия по передаче электрической энергии — что государство и делает, хотя и в фискальных целях. Кроме того, этот закон предусматривает, что к 1-му октября 1921 года все дело электрического снабжения должно перейти в ведение государства. Но пока частные электрические станции остаются еще в частном владении, не затронут еще и небольшие электрические станции, принадлежащие разным общественным органам. Неоспоримо, что этим

весьма затрудняется рационализация электрического хозяйства, ибо предприятия, дающие меньше 5000 ваттов, работают не экономно и должны, собственно говоря, быть заменены другими, крупными предприятиями.

Вопрос о компенсации в этом случае разрешается таким образом, что возмещаются расходы по постройке и оборудованию, за вычетом амортизации в соотв. размере. Для предприятий, существовавших еще до войны, сумма возмещения может быть исчислена по доходам последних трех мирных лет.

Главный недостаток этого закона заключается в том, что почти совершенно исключается всякое влияние рабочих при его осуществлении. В Совете (Beirat), который создается для проведения этого закона в жизнь, на пять представителей от организаций рабочих и служащих приходится двадцать специалистов, назначаемых (по четыре): имперским правительством, союзными государствами; представительными органами провинций, коммунальных союзов и общин; общегерманским советом сельского хозяйства, и Центральным Сотрудничеством (Zentralarbeits gemeinschaft) промышленных рабочих и предпринимателей. Сверх того в него входят по два представителя крупной и мелкой потребляющей промышленности, назначаемых общегерманским с'ездом торговли и промышленности и с'ездом ремесленных и промысловых палат (Handwerks und Gewerbe kammertag). Следовательно, рабочие представлены в Совете в весьма незначительном меньшинстве.

Одним словом, результат социализационных мероприятий в Германии таков: Собственность осталась в руках капитала и влияние рабочих на руководство производством почти совершенно исключено.

Венцом этих „мероприятий по социализации" является „временный имперский Совет Народного Хозяйства", состоящего из: 62 представителей лесного и сельского хозяйства; 2 представителей огородничества и садоводства; 4 представителей рыболовства; 62 представителей промышленности; 40 представителей торговли, банков и страхового дела; 34 представителей транспорта, городских предприятий и общественных предприятий; 20 представителей ремесла; 20 представителей потребителей; 12 представителей государственных служащих, и свободных профессий; 12-ти лиц, близко знакомых с хозяйственной жизнью отдельных областей (назначаемых имперским советом), и 12-ти лиц, имеющих особые заслуги и назначаемых правительством по собственному его усмотрению. В „*Социалисте*" от 7-го февраля 1920 года С. Ауфгейзер справедливо указывает на то, что такой состав противоречит конституции,

ибо последняя требует представительства в Совете Народного Хозяйства Имперского Совета Рабочих (Reichsarbeiterrat) и соответственного представительства предпринимателей, с привлечением других заинтересованных кругов населения. Правильно также, что такой состав дает правительству возможность составлять Совет совершенно по своему произволу. Влияние рабочих здесь фактически сведено к нулю. Правда, теоретически предусматривается представительство рабочих и предпринимателей на паритетных началах. Но этих представителей выбирают Центральные „Сотрудничества" (Zentralarbeitsgemeinschaften)—организации, созданные еще до революции и функционирующие на паритетных началах, но с преобладающим влиянием предпринимателей.

С начала войны „гражданский мир" образует главный устой германской экономической и социальной политики, и, как мы видим, революция фактически ничего не изменила в этом отношении. „Сотрудничества" (Arbeitsgemeinschaften), созданные незадолго до революции, превратились попросту в мантию для прикрытия частно-хозяйственных интересов. Представители профессиональных союзов в этих комитетах часто дают себя использовать в интересах предпринимателей за ничтожную похлебку в виде небольшого повышения заработной платы, становясь таким образом на пути к социальному и экономическому под'ему рабочих. Во всех других экономических организациях, созданных по образцу этих комитетов, рабочим дано, правда, „соответственное" (!) (по выражению Франца Крюгера, в „*Форвертс*" от 14-го декабря 1919 года") представительство, но представительство совершенно недостаточное для защиты их интересов. Все эти организации служат только одной цели: сгушевать классовые противоречия, перекинуть мост через них и скрыть их, поддерживать мир в хозяйственной жизни,— не в интересах рабочих и общества в целом, а в личных интересах предпринимателей.

Закон о фабрично-заводских советах (Betriebsräte).

Если бы истинные намерения нынешнего правительства не были бы уже ясны из всего вышесказанного, то закон о фабрично-заводских советах ясно вскрыл бы нам дух современного „демократическо-социалистического" правительства Германии. После революции рабочим было обещано включить заводские советы в конституцию. Но что из рабочих заводских советов получилось на практике—это видно даже при поверхностном рассмотрении закона. Прежде всего, значитель-

ная часть рабочих отстранена от выборов в советы — в первую очередь рабочие сельско-хозяйственные, так как для сельско-хозяйственных предприятий создано исключительное положение. Выбирать в советы не имеют права рабочие промышленных предприятий, в которых занято менее пяти лиц, а в сельском хозяйстве даже предприятия, в которых занято менее десяти постоянных рабочих, а таковых ведь большинство. Далее, исключены также рабочие и служащие морского и речного судоходства. Тем самым круг рабочих, выбирающих советы, значительно сужен. Но еще хуже то, что в некоторых случаях председательствовать в совете имеет право и предприниматель, и что меньшинство в совете имеет право самостоятельно защищать свою точку зрения перед предпринимателем. Так как рабочие и служащие выбирают представителей в совет порознь, то это постановление закона, в связи с предыдущим (относительно председательствования), означает давление со стороны предпринимателей на советы, расщепление совета на группы, помеху ко всякой плодотворной работе и даже превращение советов в органы, послушно творящие волю предпринимателей. Что такова именно цель закона—видно из тех его пунктов, которые касаются задачи советов. Согласно закону, их задача должна заключаться в том, чтобы „поддерживать предпринимателя в его мероприятиях, касающихся управления предприятием, введения новых методов работы и поддержания регулярного хода работ". Это означает, в сущности, не что иное, как превращение советов в орган, служащий интересам капиталистического предприятия. Никакого настоящего права контроля советам не дано; даже в области условий труда они имеют право требовать от предпринимателей дачи сведений и раз'яснений лишь постольку, поскольку это „не может повредить коммерческой тайне". Само собою ясно, что предприниматели всегда смогут сослаться на эту „коммерческую тайну".

Определить влияние этих новых организаций на экономическое развитие страны пока еще нельзя, ибо они еще только должны быть созданы. По всей вероятности предприниматели постараются подкупить отдельные советы различными привилегиями или застращать их угрозами, чтобы сделать их послушными себе. Весьма возможно, что из орудия революции заводские советы выродятся в орудие предпринимателей и реакции. Но не исключена также возможность того, что несмотря на все, заводские советы окажутся для революционного пролетариата подготовительной школой в деле управления предприятиями. Роль этих советов зависит от общего поли-

тического и экономического развития страны. Если последнее поведет к дальнейшему усилению революции, то и советы станут орудием революции. Их права будут зависеть не столько от буквы закона, сколько от настроения в стране. Поэтому на практике весьма важно достигнуть в советах сближения рабочих со служащими, попытаться итти рука об руку со служащими в целях создания организаций, которые в будущем могли бы взять на себя управление предприятиями. В совместной работе, при ясном классовом сознании, даже эти советы могут стать опорными точками социальной революции. Рабочие должны только помнить при этом, что прошло то время, когда они были послушными орудиями капитала, — что ныне дело идет о том, чтобы возможно скорее устранить предпринимателей и взять управление промышленностью в собственные руки.

Экономическое положение.

Противники социализации постоянно указывают на неудачу попыток российского советского правительства организовать хозяйство на социалистических началах, как на аргумент против социализации. Германия пошла по противоположному пути: со дня окончания войны принудительное хозяйство, существовавшее во время войны, все более и более отменяется, и на его место вновь вводится свободная торговля. Так, всецело „освобождены“ производство и торговля обувью, производство и торговля кожей, торговля свинцом, смазочными материалами, шерстяным товаром, трикотажными изделиями, бумагой. Для других металлов торговля также уже свободна. В продовольственной области важно отметить снятие нормировки овса, сена и бобовых растений. Ввоз совершенно свободен. Вывоз еще подлежит некоторым ограничениям. Каковы же результаты?

Результаты этого свободного хозяйства не замедлили сказаться. Цена овса поднялась с 400 марок до 4600 за тонну, и правительство ныне видит себя вынужденным опять взять овес под контроль, причем цена для урожая 1920 года установлена в 1000 марок за тонну. Текстильная промышленность работает попрежнему очень слабо, в размере лишь около 30% своего довоенного производства, и, разумеется, далеко не в состоянии удовлетворять потребности населения. Соответственно этому сильно возросли и цены — раз в десять, а то и больше.

Но особенно поднялись цены на металлы. Например, олово стоило в июне 1919 года 1400 марок, в середине декабря

1919 года 6100 — 6200 марок, а в начале февраля 1920 года уже 14.000—14.500 марок за тонну (против 413,9 до войны). Следовательно олово вздорожало в 35 раз. Цена свинца, стоившего в 1913 году 39,3 марки за тонну, в ноябре 1918 года 76 марок и в июне 1919 года 130 марок,— поднялась в середине декабря 1919 года до 870 марок, а к 10 февраля 1920 года до 1475—1500 марок, следовательно увеличилась в 40 раз.

Подобным же образом обстоит дело и во всех других областях [1]). Во всяком случае, „свободное хозяйство" не оправдало себя в Германии, и даже „Форвертс", в № от 1-го февраля 1920 года, требует хозяйственной диктатуры, прежде всего для сельского хозяйства. При этом „Форвертс" осмеливается даже предложить, чтобы несколько сот (!) аграриев были удалены из своих феодальных поместий, и чтобы на их место были поставлены трудолюбивые, технически подготовленные и высоко квалифицированные инспектора, которые будут производить и сдавать продукты для общества в его целом. Что необходимо социализировать крупное землевладение вообще— до этого требования центральный орган „социалистической" партии не поднимается, хотя сам признает, что в сущности все это—*вопрос силы*, вопрос политической власти. У нас в Германии, говорит „Форвертс", имеются сотни тысяч безземельных специалистов, управляющих имениями и инспекторов, которые охотно были бы готовы помочь. Нужно только использовать их. И дальше: „Фон этой великой борьбы— политический: *землевладельцы* хотят уничтожить *рабочее движение* посредством *саботажа*, чтобы таким путем в зародыше задушить развивающееся движение сельских рабочих. Следовательно, так или иначе, но решать будет сила, и гражданская война надвигается на нас вплотную. Если рабочие увидят, что из политических мотивов и стремления к наживе известные слои, вместо того, чтобы содействовать смягчению кризиса, еще усугубляют и без того бедственное положение, тогда в исходе конфликта едва ли может быть сомнение.

Но разве отсюда не вытекает, что этот вопрос власти давно следовало бы разрешить в пользу рабочего класса?

Последствия „свободной" экономической политики проявляются во всех областях жизни, и за последнее время само правительство начало, повидимому, сознавать шаткость такого положения, решившись сохранить монополию на пищевые продукты, и включить снова овес в число нормированных

[1]) Укажем здесь еще на вздорожание железа. С 97 мар. в 1914 году, цены сортового железа поднялись до 235 мар. в середине 1918 года и 1745 мар. к 1-му января 1920 года.

товаров. Катастрофическое падение валюты ясней всего другого показывает, до какой степени „свободное" хозяйство попало в тупик. И нельзя не согласиться с Вальтером Ратенау, когда он, в „Фоссише Цейтунг" от 8-го февраля 1920 года, указывая на угрожающие Германии опасности, говорит, что эти опасности неустранимы, пока будет продолжаться подобное неумелое хозяйничание—пока глубокая, органическая реорганизация народного хозяйства не приведет потребление и производство в соответствие между собой. Прав Ратенау также, когда он дальше говорит, что на коренную реорганизацию хозяйства нет никакой надежды, пока у власти остается теперешнее правительство, ибо против таковой все спекулянты, а спекулянты могущественны. Торговля деньгами и товарами приносит каждый месяц сотни миллионов марок чистого „заработка". Свободная торговля господствует над Германией, и капиталисты не видят никаких оснований к тому, чтобы что-либо изменить в этой великолепной для них конъюнктуре. Всякий, кто пытался бы посягнуть на современные основы хозяйства, имел бы против себя, как и в старой Германии, тысячи могущественных союзов, об'единений, торговых палат и т. д., и скоро погиб бы в неравной борьбе.

Этими словами Ратенау попадает в самую точку. Личная заинтересованность в свободной торговле так велика, что борьба с этими интересами при современном коалиционном правительстве фактически безнадежна. И если в настоящее время правительство само желает—окольными путями—перейти к социализации горной промышленности, разрешая горнозаводчикам поднять цену на уголь, чтобы таким путем получить капитал для скупки рудников, то капиталисты окажутся в состоянии свести на нет и этот план социализации, расчитанный на много лет. Ибо правительство, которое не может уже опираться на рабочие массы, бессильно против капиталистов.

„Форвертс" от 16-го января 1920 года в передовице, озаглавленной: „Нищета и роскошь", следующим образом рисует общую картину современной Германии:

„Если бы о благосостоянии страны можно было судить по тому, сколько тратится на роскошь, то пришлось бы признать, что у нас в Германии все обстоит благополучно. Но эта роскошь—только горькая насмешка над нашей великой нуждой. Мы подобны тем пляшущим, которые, отравленные чумой, кружатся, обвешанные мишурой, пока смерть не настигнет их. Возьмем хотя бы то, что сразу бросается в глаза. Для богатых отелей народной нужды не существует. Шампанское и изысканнейшие вина пенятся в бокалах. Нет недостатка в

всевозможных ликерах. Недостаток мяса, недостаток продуктов—все это совершенно неизвестно там. Редкие южные фрукты украшают столы трапез. Народ мерзнет. В помещениях, где люди работают, едва-едва удается поддерживать сносную температуру. А там, в богатых отелях всегда течет теплая вода, в комнатах приятная теплота, распространяющаяся из одной анфилады зал в другую. В зеленных лавках, где малоимущие покупают самые необходимые продукты питания, постоянно красуется надпись—„Распродано". Муниципалитеты не в состоянии давать населению даже тех ничтожных количеств продуктов, которые государство гарантировало каждому в виде минимума. В гастрономических же магазинах царит избыток—для наслаждения богачей, наживающихся ростовщичеством... Население в своей массе не в состоянии уже приобретать одежды. А избранники, не мучимые давно устарелой моралью, щеголяют в роскошных туалетах, ходят обвешанные драгоценностями и каменьями, подобно предназначенным для жертвоприношения животным.

„*Катастрофа*, начавшаяся вместе с войной, продолжает развиваться, даже во время перерывов слышны раскаты грома, тех грозных сил, которые продолжают под землей свою разрушительную работу. Рабочих винят за то, что они путем стихийных забастовок добиваются своего права на жизнь, совершенно не считаясь с общим благом. Бесспорно они здесь совершают большую ошибку. Уверенные, что они борятся за свою жизнь, они в действительности роют себе могилу. Но они поступают так под влиянием представлений, навязанных им роскошью эксплуататоров народа".

Таким образом, в момент просветления „Форвертс" правильно видит создавшееся положение, но только делает из него совершенно неправильный вывод, а именно, что необходимо об'явить войну роскоши. „Форвертс" забыл, повидимому, что это благое пожелание никогда еще не приводило к какому бы то ни было результату. Роскошь нельзя искоренить, пока состоятельным классам дают возможность быстрого обогащения. Чтобы действительно, бороться с роскошью, необходимо отнять у богачей средства, позволяющие им вести такую роскошную жизнь, т. е. необходимо организовать общественное производство и потребление и тогда уже искоренить эту вредную роскошь.

Вышеприведенная, данная самим „Форвертсом", характеристика современного положения Германии является самым тяжким обвинением против нынешней экономической политики правительства и доказывает, что нет иного исхода, кроме социализма.

Послесловие.

Моя работа о проблеме социализации в Германии была закончена уже в феврале 1920 года. С тех пор прошло три четверти года — период времени, достаточный для того, чтобы вновь подвергнуть проверке правильность высказанных в ней положений. Но главным образом мне хотелось бы пополнить ее некоторыми фактами.

Что касается научного изучения проблемы социализации, то насколько мне известно, в этой области за истекшие месяца не появилось ничего особенно выдающегося. С другой стороны, за это время выкристаллизовалась резкая позиция левого крыла независимых в вопросе о компенсации предпринимателей, причем оказывается, что более революционные элементы рабочего класса настроены против какого бы то ни было вознаграждения собственников при социализации. *Карл Мархионини* написал по этому вопросу две статьи в „Гамбургской народной газете“ от 16 и 17 июня. Его возражения против компенсации не дают, в сущности, ничего нового. Он не хотел бы, чтобы предпринимателям была дана возможность вести паразитическое существование за счет рабочего класса. „Раз мы одержали верх над капиталистами“, пишет он. „и пролетариат вышел окончательным победителем в этой борьбе, то едва ли будет он настолько простоват, чтобы снова обеспечить побежденным высокую и долговременную ренту, дабы они попрежнему могли вести приятную жизнь—за счет трудящихся“. Другие указывают еще на то, что возмещение предпринимателей возложило бы на пролетариат тяжелое бремя в виде крупного долга.

Но что касается последнего, то достаточно указать, что, например, выкуп всех германских акционерных обществ и товариществ с ограниченной ответственностью по номинальной стоимости их капитала обременило бы Германию долгом всего только в 27 миллиардов—меньше даже суммы ординар-

ных расходов этого года, достигающих около 37 миллиардов. Вместе с чрезвычайными расходами общая сумма расходов текущего года достигает 95—100 миллиардов марок. Один только государственный долг Германии, составляющий круглым счетом 400 миллиардов марок, требует ежегодной уплаты $^0/_0$ $^0/_0$ в сумме 24—25 миллиардов. По сравнению с этим оплата процентов по выкупному долгу в сумме около 1,6 миллиарда не может уже быть признана черезчур высокой. Кроме того, ведь ясно, что, в случае выкупа, последний будет поставлен таким образом, что крупным капиталистам останется лишь минимальная сумма. Предположим, что государство берет в свое ведение все крупные предприятия и выдает за это владельцам государственную ренту,—и в то же время облагает высокие доходы от такой ренты значительным поимущественным и подоходным налогом; тогда крупные предприниматели, право, не будут пользоваться черезчур уже большой рентой.

Товарищ *Евгений Варга* (Eugen Varga) в своей прекрасной брошюре „О научных проблемах пролетарской диктатуры" (Вена 1920 г.) тоже высказывается против выкупа, однако, не по экономическим, а по политическим соображениям. Он говорит:

«Полная социализация в коммунистическом духе—экспроприация без возмещения—является в одно и то же время экономическим и революционным актом. Она должна, путем быстрого лишения буржуазии материальных средств, сделать невозможной контр-революцию с ее стороны. Именно политическая точка зрения делает невозможным для пролетарской диктатуры медленную социализацию, планомерную, связанную с возмещением, причем однако мы отнюдь не отрицаем, что *„несправедливо"* лишать всего людей, собственность которых экспроприируется, в то время как другие, обладавшие маленьким состоянием, сохранят все, что они имели. Но в том-то и дело, что экспроприация—акт классовой борьбы, а в борьбе и господствующие классы не знают права и справедливости.

Только соображения целесообразности могут поэтому быть решающими, когда вопрос идет о том, до каких пределов проводить экспроприацию. Экспроприацию нужно проводить настолько, чтобы сломить экономическую силу господствующих классов. И притом сломить как можно скорее. То и другое зависит и от количества человеческого материала, имеющегося в распоряжении для этой цели».

Но при разрешении экономических вопросов как раз и необходимо в известном смысле оставлять в стороне политическую точку зрения. Можно признавать, что политические соображения повелевали итти по данному пути, однако сам Варга счел необходимым признать долги предприятий, причем, отдельное лицо могло получать единовременно лишь ограниченную сумму (2.000 крон в месяц). Благодаря этому ограничению, преодолевалась экономическая сила и этих кредиторов. Но признание их долгов приводило к такому странному противоречию: капитал, вложенный в чужое предприятие (в виде долга) сохранялся за своим владельцем, и спрашивалось, поче-

му же должен был он терять капитал, вложенный в собственное предприятие?

Мы здесь, конечно, исходим не из справедливости или последовательности в проведении социализации, а имеем в виду лишь то, чтобы не оттолкнуть массу мелких акционеров или владельцев мелких предприятий, а наоборот, привлечь их к дальнейшей экономической деятельности. Ибо необходимость сотрудничества интеллектуальных сил, а также старых владельцев предприятий, по крайней мере в переходный период, не подлежит никакому сомнению. В России интеллигенцию принудили к сотрудничеству путем тяжелой борьбы, но эта борьба немало способствовала хозяйственной разрухе. Поэтому нужно пытаться итти другим путем, сохраняя за бывшими владельцами предприятий их права собственности в такой мере, чтобы у них сохранился известный интерес к дальнейшему функционированию предприятий и к развитию производства вообще. Подобными же мерами следовало бы заинтересовать, в особенности, и служащих и руководителей предприятий, чтобы они, благодаря этому содействовали развитию производства. Разумеется, конфискация собственности, как мера борьбы с саботажем предпринимателей и с их политической деятельностью, направленной против власти пролетариата, может и должна быть сохранена. Но там, где предприниматели, или руководители предприятия подчиняются новой власти и изъявляют готовность продолжать свою работу, им можно оставить некоторую ренту, которая временно даст им доход, превышающий заработок рабочего или даже высших служащих—повторяем, все это для того, чтобы сохранить у них интерес к предприятию. Вся проблема таким образом, превращается в вопрос целесообразности. Задачей, конечно, несомненно является действительная *экспроприация экспроприаторов*, только эта экспроприация проводится в несколько иной форме, чем ее себе обычно представляют, а именно, в форме налога на собственность, ложащегося всей своей тяжестью, главным образом, на рентьеров, не принимающих активного участия в производительном труде. Все сводится к тому, чтобы сохранить интерес руководителей предприятий к процветанию предприятий—точно так же, как пытаются повысить этот интерес у рабочих посредством премиальной системы оплаты труда.

То, что за эти месяцы было сделано в области *практического осуществления социализации*, вполне оправдывает нашу прежнюю критику деятельности германского правительства в этом отношении. 1-го апреля вышел декрет о „Eisenwirtschafts-

bund'e" (буквально: союз по железному хозяйству), коим создан орган самоуправления для железной промышленности и торговли. Этот железопромышленный союз состоит как из предпринимателей, так и рабочих. Его органами являются: общее собрание, комиссии и уполномоченный (председатель).

Общее собрание состоит из 70 полноправных членов, а именно: 34 представителей производства, 12 представителей торговли и 24 представителей потребителей железа. Предприниматели и рабочие должны быть представлены в одинаковом числе. Таким образом, предприниматели имеют в общем собрании 35 членов, которые распределяются между 17 предприятиями.

Остальные 35 членов общего собрания, которые должны были бы быть представителями рабочих, распределяются между следующими „рабочими" организациями: 29 представителей *„центрального сотрудничества* (Zentrale Arbeits gemeinchaft) *предпринимателей и рабочих промышленных и ремесленных заведений Германии"*, 2 представителя организации сотрудничества Свободных Союзов Служащих (Arbeits gemeinchaft der freien Angestellten—Verbände), 2 представителя Профессионального Союза Служащих (Gewerkschaftbund der Angestellten) и 2 представителя „Всеобщего Союза Профессиональных Союзов Служащих" (Gesamtverband deutscher Angestellten gewerkschaften). Представители должны быть избраны в течение 2 недель со дня опубликования декрета (1-го апреля 1920 г.), в противном случае министерство народного хозяйства само назначает представителей на вакантные места.

Общее собрание создает комиссии, смотря по надобности. В эти комиссии могут быть избраны и лица, не являющиеся членами общего собрания, комиссии составляются из предпринимателей и рабочих на паритетных началах. Однако, общее собрание может постановить, чтобы число представителей рабочих в комиссиях было уменьшено до трех (§ 8).

Доверенное лицо „Железо-Промышленного Союза" (председателя) назначают предприниматели. Рабочие должны ограничиться выбором его заместителя (товарища председателя). Это лицо является представителем „Железо Промышленного Союза", он должен проводить в жизнь постановления общего собрания, в его руках лежит все ведение дела. Первым выбран был Пэнсген, директор железоделательного завода, а товарищем председателя—представитель Стального Союза, директор Гервин.

Железо-Промышленному Союзу предоставлены широкие права. Он руководит всей железной промышленностью и

торговлей, включая ввоз и вывоз. Он устанавливает, что и в каком количестве должно производиться, он может обязать все германские предприятия предоставлять в его распоряжение часть их изделий. Если предприятие не выполнит возложенных на него обязательств, Железо-Промышленный Союз может наложить на него штраф, который утверждается Министром Народного Хозяйства. Железо-Промышленный Союз регулирует цены и условия продажи входящих в круг его компетенции изделий. Установленные им цены считаются максимальными.

„Metall-Arbeiterzeitung“ от 15 мая 1920 года правильно замечает, что в этом Железо-Промышленном Союзе представителям рабочих отведена только роль статистов,—что рабочим предоставлено только иллюзорное влияние, которого в действительности нет. Затем она указывает на первое мероприятие Железо-Промышленного Союза—повышение цен на железо.

Эти цены составляют:

	Цена за тонну:			
	До войны.	В январе. 1919 г.	В январе 1920 г.	Новые цены.
Болванки необдел. . . .	82,50	285	2105	2650
Болванки обделан. . . .	87,50	290	2135	3960
Книпеля	95,—	300	2173	3125
Сортовое железо	118,—	320	2470	3620
Брусковое „	98,100	335	2500	3650
Листовое железо:				
толстое	105	375	3285	4700
среднее	110	420	3720	5600
тонкое	125	460	3785	5625
Катанная проволока . . .	117,50	350	3000	4150

Таким образом цена болванки обделанной в 35 раз повышена против цен мирного времени, цена катанной проволоки—в 40 раз, а толстого и тонкого листового железа даже в 50 раз. Себестоимость железа составляется, главным образом, из расходов на уголь, рабочую силу и руду. Между тем цена угля возросла против цен мирного времени всего около 14 раз, а заработная плата в настоящее время только в 4—5 раз выше, чем до войны. И хотя за заграничную руду приходится платить высокие цены, это все-таки совершенно не оправдывает такого неслыханного поднятия цен.

После Капповского дела, когда правительство принуждено было апеллировать к рабочим, чтобы последние оказали ему поддержку против реакции, снова была созвана „Комиссия по Социализации“, усиленная представителями предпринимателей.

Недавно эта Коммиссия опубликовала доклад, в котором часть его членов—половина—высказывается против социализации. То, что она предлагает, является соединением принципа капиталистического с принципом общественно-хозяйственным. Предприниматели сохраняют право контроля и участия в хозяйстве. но они лишаются монопольного права установления цен. На место прежнего „*Угольного Союза*“ (Reichs Kohlen verband). представляющего об'единение синдикатов, имеет быть создан *Имперский Угольный Совет* (Reichs Kohlenrat), который должен быть единственным носителем угольной промышленности во всей ее совокупности с функциями центрального синдиката. Он представляет собой не частно-капиталистическое предприятие, а публично-правовое, передающее всю прибыль государству. Все угольные предприятия должны сдавать ему по себестоимости всю свою добычу, он берет в свои руки отчетность всех предприятий, здесь сосредоточивается вся прибыль, и он же устанавливает продажные цены.

Он также может требовать улучшения средств производства и предоставлять необходимые для этого средства, приобретать или приостанавливать предприятия, об'единять их друг с другом, отчуждать угленосные площади и открывать новые предприятия. Разработка новых площадей частными предпринимателями воспрещается.

В докладе подробно предусматривается способ установления цен, исчисления издержек производства и т. д. Из надбавок к себестоимости вычитываются суммы, необходимые для уплаты $^0/_0{}^0/_0$ и погашения по долгам предприятий, согласно договорам, затем для оплаты $^0/_0{}^0/_0$ на вложенный в предприятие капитал, при чем последняя должна производиться на основе прежней рентабельности каждого отдельного предприятия. Таким образом, проект Комиссии увековечивает теперешнюю доходность предприятий, весьма возросшую, вследствие высоких цен на уголь. Например, если возьмем несколько цифр из последних годовых отчетов предприятий, то мы увидим, что копи Гогенфельс в текущем году получили чистой прибыли 2,6 миллионов против 136,000 в прошлом году, копи Гуго свыше 4 миллионов против 820,000, копи Бергмансеген свыше 8 миллионов против 900,000 и т. д. Понятно, что предприниматели не будут недовольны увековечением столь высокой прибыли, и легко также понять, почему опубликование этого доклада Комиссии по социализации не произвело на бирже никакого впечатления и курсы акций продолжали подниматься, как раньше.

Состав *Угольного Совета* должен быть следующий: руко-

водители предприятий, служащие, рабочие, потребители и специалисты. Более точных указаний относительно состава Совета в докладе нет. Само собой понятно, что теперешнее правительство будет составлять его так, чтобы влияние предпринимателей было решающим. Предложение этой части Комиссии в сущности мало отличается от теперешней практики правительства. Каковы результаты последней—это правильно указано в докладе другой части Комиссии.

«Опыт последнего года—говорится там—самым ясным образом показывает, что организация, созданная законом об угольной промышленности (От 23 Марта 1919 года, см. Reichsgesetzblatt стр. 342), не заключает в себе никакой социализации. *Угольный Союз* действует фактически только, как деловая контора синдикатов. У *Угольного Совета* нет ни компетенций, ни органов, посредством которых он мог бы непосредственно вмешиваться в угольное хозяйство. Из протоколов *Угольного Совета* явствует, что в этом «органе самоуправления» правительству приходится вести безнадежную борьбу с синдикатами. В большинстве случаев синдикаты вносят предложение, которое обсуждается в *Угольном Союзе* и слегка смягчается здесь, при чем внесший предложение синдикат немедленно соглашается на это изменение—и предложение принимается. Таким образом, отдельные постановления *Угольного Союза* носят весьма односторонний характер. Представителю Министра Народного Хозяйства не остается ничего другого, как опротестовать решения *Союза*, и он действительно часто прибегает к этому. Но при этом он может опереться только на свое собственное исчисление себестоимости. Но если эти исчисления даже правильны во всех отношениях, то все-же этим опять таки лишь принимается принцип военного хозяйства—себестоимость плюс прибыль—который либо заключает в себе гарантию ренты для горной промышленности и даже прямо премирует высокую стоимость производства при недостаточном производстве, либо, при действии конкуренции, сам же сводит себя к абсурду. Во всяком случае в этом не заключается действительного контроля, ни возможности проводить в производстве народно-хозяйственные точки зрения. Опротестование решений министерством народного хозяйства—оружие слишком острое, оно поэтому легко притупляется. В результате создается совершенно неудовлетворительное положение, и из протоколов *Угольного Союза* мы видим, что раньше (приблизительно до начала 1920 года) Министерство Народного Хозяйства еще могло до некоторой степени настоять на своем при установлении цен, но потом синдикаты стали опирать свою политику цен на такие аргументы (необходимость повышения цен для финансирования работ по восстановлению и расширению), против которых Министерство Народного Хозяйства уже ничего не могло сделать. Положение Министерства усугублялось особенно тем, что представители рабочих всегда поддерживали предложение синдикатов, так как последние соглашались на повышение заработной платы только при условии повышения цен. Таким образом всегда углепромышленники в конце-концов добивались своего.

Еще менее возможно в *Угольном Совете* соблюдение интересов общества в его целом, хотя в нем представлены и потребители. Так, представители углепромышленников оспаривали у *Угольного Совета* право устанавливать в отдельности цены. Они утверждали, что ему надлежит только установить самый принцип установления цен. Так-как до настоящего времени, вследствие чрезмерного недостатка угля, не может быть речи о рационализации угольной промышленности (в смысле, например, закрытия или об'единения предприятий), а наоборот, приходится разрабатывать всякую шахту, даже с самой низкой производительностью, поскольку имеется свободная рабочая сила, не могущая быть использованной в разработке лучших пластов, то и какая бы то ни было деятельность *Угольного Совета*, направленная на более целесообразную организацию угольной промышленности, до сего времени была невозможна. Он мог бы, следовательно, действовать только в смысле замедления повышения цен. Но и это ему не удалось. Приближение к более нормальным условиям образования цен—вследствие ли выравнения цен с уровнем мирового рынка, или же восстановления производства—и без того ограничит тот произвол в образовании цен, который так процветал за последние полгода. А остающуюся затем важную задачу—организацию производства на началах общественного хозяйства—невозможно будет разрешить посредством теперешней организации, ибо позиция частных предприятий всегда окажется решающей в «паритетном» хозяйственном органе».

Меньшинство комиссии, желавшее немедленную социализацию, в своем проекте предлагает прежде всего соответственную компенсацию владельцев, не указывая конкретно, как высока должна быть эта компенсация. Далее Имперское Управление Угольной Промышленности (Reichs-Kohlen directorium) должно состоять из 100 членов, из коих только 25 должны быть выбраны рабочими, входящими в Центральное Сотрудничество Угольной промышленности (Kohlen—gemeinschatt), 10 служащими, 15 руководителями горнозаводских районов и 25 потребляющими отраслями промышленности и потребителями. В качестве представителей общенародных интересов рейхсканцлер назначает: 5 членов рейхстага, 5 членов Министерства Народного Хозяйства и 15 сведущих в общих технических и экономических вопросах лиц. Отсюда ясно, что и по этому проекту, представители рабочих всегда будут оставаться в меньшинстве, и что интересы как рабочих, так и общества в целом не смогут быть ограждены против интересов промышленников.

Проект меньшинства Комиссии по социализации тоже далеко еще не означает действительной социализации, а в лучшем случае только огосударствление угольной промышленности, ибо он не предоставляет рабочим никакого решающего влияния. Тем не менее против этих столь скромных предложений замечается сильная оппозиция со стороны предпринимательских кругов. И весьма сомнительно, будет ли осуществлен даже более умеренный проект большинства Комиссии, хотя за него высказались такие авторитеты в области промышленности, как, например, Ратенау, руководитель Всеобщей Компании Электричества и Сименс, руководитель заводов Сименс-Шукерт, т.-е. весьма крупные промышленники, которые, правда, заинтересованы в удешевлении угля и потому желают огосударствления копей.

Практика экономической политики правительства идет по совершенно другому пути. Все больше ликвидируется „военное хозяйство“ и распускаются хозяйственные организации военного времени, военные товарищества („Kriegsgesellschaften“). По заявлению министра Народного Хозяйства Шольца, сделанному 7-го сентября 1920 г. в настоящее время, кроме *9 ведомственных организаций военного и переходного хозяйства*, существует только еще 18 военно-промышленных товариществ (Kriegs gesellschatten).

Из девяти продолжали существовать:
1. Государственный комиссар по распределению угля.
2. Государственный комиссар по разрешению вывоза и ввоза.
3. Уполномоченные по контролю над ввозом и вывозом—Отдел Управления.
4. Имперское ведомство по цементу.

Ликвидация Имперского Кожевенного ведомства задержалась в связи со взиманием августовского налога на конъюнктурные прибыли В ликвидации находятся следующие четыре Имперских организации: по одежде, по снабжению обувью, по расчетам за хлопок и по распределению бумаги для печати. Из существующих 18 военно-промышленных товариществ на первых порах останутся еще следующие шесть:

1. Центральное товарищество по снабжению керосином.
2. Т-во по снабжению текстильными изделиями (Textilnotstands versorgung).
3. Т-во по снабжению обувью (Reichsschuhversorgung G. m. b. H).
4. Хозяйственный центр для газетного дела (Wirtschaftsstelle für das deutche Zeitungs).
5. Т-во по закупке иностранных векселей (Devisenbeschafftungs stelle).
6. Государственные уполномоченные для контроля над ввозом и вывозом—оперативное отделение (Т-во с огр. отв).

В ликвидации находятся следующие пять товариществ:

1. Военное акц. о-во по металлам.
2. Германское акционерное общество по коже.
3. Т-во с огр. отв. по снабжению минеральными маслами.
4. Т-во с огр. отв. по использованию шелка.
5. Германский страховой банк (Т-во с огр. отв)

А следующие товарищества будут ликвидированы в ближайшее время.

1. Имперское акционерное о-во по шерсти. } В сентябре 1920 г.
2. Т-во с огр. отв. по закупке папирос и табака. }
3. Имперское о-во по лоскуту. }
4. Акционерное общество по химическим изделиям. } В октябре 1920 г.
5. Германское табачное т-во с огр. отв. в Бремене. }
6. Германское табачное товарищество 1916 года. Отделение для внутренней торговли, т-во с огр. отв. в Маннгейме. } В ноябре 1920 г.

Германское акц. о-во морского страхования вероятно будет преобразовано в частное предприятие в октябре 1920 года.

Размер ликвидации военно-промышленных товариществ может быть показан на примере нескольких более крупных из них.

Число служащих составляло:

У военного акционерного общества по металлам: в сентябре 1918 г. 1885 чел, в июле 1919 г. 1311 чел., в январе 1920 г. 1001 чел., в июле 1920 г. 555 человек.

У акционерного о-ва по коже: в сентябре 1918 г. 3881 чел., в июле 1919 г. 1734 чел, в январе 1920 г. 688 чел., а в июле 1920 г. 479 чел.

В учреждении по одежде: в сентябре 1918 г. 536 чел, в июле 1919 г. 519 чел., в январе 1920 г. 27 чел., а в июле 1920 г. 5 человек.

У т-ва по минеральным маслам: в сентябре 1918 г. 682 чел., в июле 1919 г. 625 чел, в январе 1920 г. 274 чел., в июле 1920 г. 242 чел.

В области продовольственного дела почти все продукты освобождены от нормировки, кроме хлеба, молока и масла.

Относительно государственного регулирования в области сырья в *Берлинер Тагеблат* от 22 августа 1920 г. некий доктор *В. Вейсс* дает подробный обзор, из которого мы заимствуем следующие фактические данные:

«В области текстильной промышленности изъяты из принудительного хозяйства хлопок и шелк, однако, по возможности, затрудняют ввоз тонкой хлопчатобумажной пряжи, чтобы обеспечить работу нашим собственным бумагопрядильням...

«В области льна, пеньки и льняной пряжи принудительное хозяйство будет существовать и после нового урожая, ибо снабжение промышленности льном и пенькой внутреннего производства еще недостаточно, а о ввозе фактически еще не может быть и речи. Джутовое сырье, правда, реквизировано, хотя в вольной продаже оно предлагается большими партиями. То же самое и с искусственным шелком, для которого, однако предвидится отмена регулирования.

Смолистые вещества и парафин (за исключением иностранного парафина) с начала года освобождены от государственного регулирования.

Распределение *растворяющих веществ* (бензина, бензола и др.) попрежнему находится в руках государства...

Керосин, а также *технические масла и жиры* тоже остаются под принудительным хозяйством, однако в отношении питательных масел и жиров последнее совер-

шенно отменено, только должен быть установлен более точный контроль над ввозом и вывозом. Зато в начале июня вновь решено ввести принудительное хозяйство для каменно-угольной смолы и ее продуктов, и с этой целью учрежден «Союз по каменно-угольной смоле и ее продуктам» в виде самоуправляющегося органа. Все заводы по производству масел должны будет отдавать государству 16% всей переработки смолы. Поводом к восстановлению государственного хозяйства послужили здесь те отрицательные явления, которые обнаружились со времени отмены принудительного хозяйства в этой области. Под влиянием недостатка угля в больших количествах стали сжигать сырую смолу. Таким образом пропадали содержащиеся в ней масла и другие важные составные части, и возникал недостаток в горючих маслах для Дизелей и в смоле для производства брикетов. В результате цены на сырую смолу поднялись выше 200 марок за тонну, а на горючее масло для Дизелей выше 800 марок за тонну. В то время, как в мирное время ежегодно производилось около 1,5 миллионов тонн смолы, в текущем году ожидают не более 650.000 тонн..

«В строительной промышленности освобождены известь и кирпич. Ожидают, что эти облегчения, которые будут иметь своим последствием значительное сокращение административного аппарата, поведут к оживлению строительной деятельности...

«*Из химических продуктов*, необходимых главным образом в электротехнической промышленности, реквизированы еще только едкий калий, едкий натрий, сода и поташ. Мыло промышленное, жидкое и ядровое свободны, но мыльный порошок, применяемый для технических целей, может быть сдаваем техническим предприятиям только с разрешения «Контрольного Комитета мыловаренной промышленности».

«Серная кислота освобождена месяц тому назад под условием обеспечения потребности наиболее важных производств, а соляная кислота свободна со времени окончания войны. Наконец, надо еще упомянуть снятие с 1-го августа 1920 года контроля и реквизиции с кальция и ацетилена».

Итак, принцип свободного хозяйства одержал полную победу над принципом принудительного хозяйства. Каков же результаты?

Когда мы в феврале писали об экономическом положении Германии, германская валюта испытывала стремительное падение. С тех пор она проделала бурную историю. Началось необычайно сильное колебание курса немецких денег, причем приблизительно до середины июля курс поднимается, но затем опять падает все ниже и ниже. Причина повышения курса с марта текущего года лежит, главным образом, в пресловутой „распродаже“ Германии, когда вследствие низкого курса продавали за границу решительно все, что только заграница могла покупать. Продавалось за границу оборудование целых предприятий, машины. дома и т. д. Отчасти эта распродажа была следствием бегства капитала за границу, для уклонения от высоких налогов и возможной социализации. Само собой разумеется, что и саботаж предпринимателей сыграл тут свою роль, но как бы то ни было, распродажи хватило не надолго, и курс германской марки скоро опять начал падать – главным образом, вследствие свободных, совершенно не регулируемых закупок за границей, которые внезапно начались и сильно подействовали в сторону понижения марки.

Разумеется и необычайное увеличение количества находящихся в обращении бумажных денег сыграло тут свою роль. За время с 23 апреля по 15 сентября 1920 года выпущено в обращение не менее 12 миллиардов марок бумажных денег

так что вся сумма бумажных денег в обращении достигла 15 сентября уже 72 миллиардов против 2,7 миллиардов марок до войны. Причины все возрастающего выпуска бумажных денег известны:—увеличение текучего долга, который с конца марта 1920 года до 20 сентября увеличился на 47 миллиардов, достигнув суммы 152 миллиардов. Рост текучего долга является результатом дефицитного хозяйства государства. Расходный бюджет на 1920 год был исчислен в 95,8 миллиардов, причем покрытие предусматривалась только для обыкновенного бюджета в сумме 39,8 миллиардов, для остальных 56 миллиардов никакого покрытия не имеется и они должны покрываться при помощи печатного станка. Это банкротное хозяйство отчасти является результатом принципов свободного хозяйства. Конечно, в значительной степени эти расходы вызваны мирным договором. Но что для покрытия этих огромных расходов не вводится одновременно поимущественного налога на частные предприятия—является вопиющим фактом. И что, попрежнему предпринимателям разрешают извлекать миллиарды из рудников, крупного землевладения и т. д. опять таки является ничем не оправдываемой политикой.

Что касается общего развития промышленности, то можно прежде всего цитировать официальную записку о платежеспособности Германии, где положение промышленности и транспорта характеризуется следующим образом:

«В 1920 году можно рассчитывать на производство угля в 126 миллионов тонн, если не произойдет нарушения нормального хода работ. Из этого количества около 71 миллиона тонн необходимо для домашнего отопления, промышленности и сельского хозяйства Если только в городах Германии, с их плохо питающимся населением, общественный порядок должен быть сохранен, то нельзя еще больше урезывать количество угля, предназначенного для домашнего отопления. Не может быть еще более сокращено это количество и для промышленности и сельского хозяйства, если мы не хотим видеть гибели всей нашей социальной жизни Добыча калия, производство азота. сахарная промышленность, сельское хозяйство (молотьба) и транспорт и без того уже страдают от недостатка угля. Предприятия, работающие исключительно на германском сырье, как например, кирпичные заводы и цементные заводы. могут в настоящее время работать только на 1/5 или 1/4 своей полной производительности в силу недостатка угля. Фарфоровая промышленность, для которой положение рынка блестяще, по той же причине работает только в размере 40% своей до-военной производительности. В центрах стеклянной промышленности, как. например в Фюрте, в апреле 1920 года 30% населения было без работы. В ноябре 1919 года из промышленных предприятий, потребляющих более 10 тони утля в месяц, 8530, имеюших почти 1/2 миллиона рабочих, не были снабжены углем. С октября 1919 г до марта 1920 года сокращенная норма потребности в топливе всех видов была покрыта только на 57%»

Что касается транспорта, то его положение иллюстрируется следующим:

«Усугубляющим положение моментом является расстройство германского транспорта. От последствий сдачи транспортных средств на основании условий перемирия мы так и не могли оправиться. Правда, количество паровозов удалось увеличить, но на 100 здоровых паровозов ныне приходится почти 45 стоящих в мастерских для ремонта, между тем как до войны эта цифра составляла только 19. Несмотря на уве-

личение числа рабочих в мастерских с 70 000 временами до 160.000 человек, не удалось устранить эти явления и до сего времени. Мастерские временами недостаточно снабжаются углем и железом. Производительность рабочих уменьшилась К этому присоединяется недостаток паровозного угля,—качество которого тоже пострадало— и отсутствие достаточных запасов угля. Их хватает обыкновенно не более, чем на 10 дней, так что малейшая заминка в доставке угля вызывает перебои в движении поездов. Пассажирское движение обслуживается только 1/4 скорых поездов и 1/2 пассажирских поездов, бывших в обращении до войны. В области товарного движения в 1919 году подача вагонов была на 18% меньше чем в 1918 г, и на 42% меньше, чем в 1913 г. При этом постепенно и состояние рельсового пути стало внушать опасения, так как вследствие недостатка материалов в настоящее время ежегодный ремонт главных путей составляет только 1% против 5% в мирное время. Таким же образом обстоит дело с внутренним судоходством. Пароходы страдают от недостатка топлива».

Из кратковременного периода высокой конъюнктуры— вызванной вакханалией „распродажи"—германское хозяйство очень быстро попало в период упадка. Начиная с весны текущего года, наблюдается сильный экономический кризис, находящий свое выражение в приостановке предприятий, ограничении производства и сильно возрастающей безработицы. Причины этого явления лежат—помимо общего истощения экономической жизни—в полной изношенности средств производства и недостатке сырья и угля, а также в высоких ценах, отчасти превосходящих уровень мировых цен, так что иностранные предприниматели во многих случаях уже не производят больше закупок в Германии, ибо могут покупать те же товары в других странах. В этом отношении весьма интересно, что пишет *„Газета торговли и промытленноотн"*, являющаяся одновременно органом правительства и тяжелой индустрии:

«Нет сомнения, что во всем мире доходы отстали от цен на продукты. Громадное различие в доходах, образовавшееся во время войны и в особенности после войны, влияло на производство весьма односторонним образом Производили преимущественно для крупных доходов, для военных и спекулятивных прибылей. Но покупательная способность последних все-таки более ограничена, чем казалось в пылу высокой кон'юнктуры. В настоящее время склады содержат слишком много товаров, представляющих предметы роскоши, а поскольку имеется средний товар, он по стоимости производства все больше приближается к предметам роскоши, так как все производство ориентировалось на растущие цены и на все ширящийся рост доходов».

Следовательно, это была только высокая кон'юнктура промышленности роскоши, производящей для богатых людей. Потребности широких масс населения совершенно не удовлетворялись и не удовлетворяются и поныне.

Важно указать еще на ту роль, которую в теперешнем экономическом кризисе играют картели, препятствующие понижению цен. Так, *„Кельнская Народная Газета"* в начале сентября писала:

«С другой стороны многие союзы и промышленники беспощадны по отношению к своим покупателям. Синдикат подков до сего времени не понизил своих цен, хотя установленную им цену в 12, 85 марок за килограмм или совсем невозможно выручить, или с большим трудом. То же самое делают союзы предприятий, производящих экипажные оси и рессоры, также не желающих понизить своих цен».

Причина, почему предприниматели ныне особенно противятся понижению цен об'яснена статс-секретарем Гиршем:

«В то время, как при прежних кризисах застой в делах означал самоочищение хозяйства, так как цены быстро понижались настолько, что вновь достигали границы покупательной силы—мы переживаем в настоящее время совершенно иное течение кризиса. В прежние времена сначала наступало банкротство, затем увольнение рабочих. Теперь же сначала происходит расчет рабочих, а до краха все еще далеко. При прежних кризисах вексельные обязательства, требовавшие наличных денег, далее, необходимость считаться со своей клиентурой—являвшейся в те времена одним из самых важных активов солидной фирмы—и наконец соображения так называемых «расходов простоя» принуждали к дешевым продажам. Ибо при прежних условиях порой было. ведь, выгоднее работать без всякой прибыли, или даже со значительным убытком, чем приостанавливать производство, так как простой предприятия обходится дороже чем работа в убыток, в виду амортизаций, и иных общих расходов, продолжающихся и тогда, когда предприятие не работает.

«В настоящее время все это изменилось. Потеря постоянной стародавней клиентуры стала безразличной в последние месяцы, когда все товары покупаются нарасхват. Вексельных обязательств в прежнем смысле слова, теперь больше не существует, так как вся торговая жизнь основывается теперь на уплате авансом, и место вексельного кредита занял банковый кредит, при котором обе стороны более заинтересованы в том, чтобы избегнуть черезчур больших убытков при ликвидации товаров. Расходы простоя тоже не оказывают такого сильного влияния, как до войны. Тогда, например, для пары башмаков ценой в 10—12 марок эти расходы составляли от 2 до 3 марок, т. е. 25% всей цены. В настоящее время они составляют самое большее 15—20 марок. Но если фабрикант будет продолжать производство, то при известных условиях он может терять на каждой паре 100 марок (Handels und Industrie zeitung от 30 июля 1920 года).

Таким образом, оказывается, что предприниматели всецело заинтересованы в том, чтобы держать цены на возможно высоком уровне. Однако более глубокая причина теперешнего экономического кризиса лежит не только в непосредственном нарушении правильного соотношения между производством и потребительной силой населения. После разрушительной войны промышленность должна была по необходимости обратить главное внимание на производство средств производства, в которых она нуждается. Если население и страдает от недостатка предметов потребления, то все же прежде всего необходимо изготовить средства производства, чтобы быть затем в состоянии длительно удовлетворять потребности населения. Но этого как раз капиталистически ориентированная промышленность и не сделала, ибо производство всякого рода предметов роскоши сулило ей лучшую и более быструю наживу. Производство средств производства требует более продолжительной подготовки и долгосрочного помещения капиталов. Из страха перед социализацией, из боязни налогов и в борьбе против рабочего движения вообще капитал предпочел уйти за границу, а в Германии жить только интересами ближайшего дня. Вследствие этого крупных помещений капиталов не производилось, развитию средств производства уделяли мало внимания, — и вот мы стоим перед проблемой перепроизводства средств потребления.

При „нормальных“ условиях капитал преодолевает экономические кризисы путем перемещения капиталов из промышленности производящей предметы потребления в промышленность, производящую средства производства и повышения органического состава капитала, т.-е. соотношение между постоянным капиталом и заработной платой изменяется в пользу первого. Таким образом, каждый промышленный кризис влечет за собой усиленное накопление капитала. Теперешний же кризис сталкивается с бедностью капиталами, вследствие бегства капитала за границу, не говоря уже о том, что Германия, вследствие войны вообще обеднела капиталами. Выход из этого кризиса возможен, следовательно, только при поддержке правительства, предоставляющего капиталы для продолжения производства. Раздаются также голоса, требующие от правительства значительных сумм на производство строительных работ. Действительно, строительная промышленность находится в полном упадке, что чрезвычайно ограничивает сбыт продуктов железной промышленности. Но раз дело обстоит так, раз само правительство должно давать капиталы, необходимые для дальнейшего развития промышленности, то исчезает последний предлог для сохранения капиталистической системы хозяйства, ибо даже капитал представляется здесь не частными лицами. При этом отнюдь нельзя утверждать, что существует абсолютный недостаток в капитале, ибо, читая отчеты предприятий или банков мы видим, что накоплены значительные капиталы, которые только не находят себе применения в тех отраслях промышленности, развитие которых больше всего необходимо, а именно в строительной промышленности, машиностроении и т. д., которые могли бы поднять производительные силы страны.

Итак, резюмируя, можно сказать, что главная причина современного экономического кризиса лежит в неорганизованном развитии разных отраслей промышленности, в расширении производства предметов роскоши за счет производства предметов питания и массового потребления,—а главным образом, за счет производства средств производства. Выход из этого кризиса возможен, следовательно, только путем контроля со стороны государства и организации и распределения производительных сил не сообразно с желаниями предпринимателей, а сообразно с нуждами народного хозяйства.

Своеобразное предложение общественно-хозяйственного накопления капитала, долженствующего заменить накопление частного капитала, было сделано статс-секретарем Гиршем в закрытом заседании Комиссии по социализации (См. *Берли-*

нер Тагеблат от 17 июля 1920 года). Он указал на то, что вследствие бегства от налогов и других причин, образование частного капитала идет в Германии весьма медленно, и что поэтому необходимо восполнить недостаток частных капиталов путем общественно-хозяйственного образования капиталов. И подобными заплатами думают задержать развал германского хозяйства.

Не больше, чем такими заплатами являлись и действия правительства, направленные к поддержке обувной промышленности в Пирмасенсе, путем предоставления ей средств для продолжения производства. Что таким путем не добились ни устранения безработицы, ни преодоления кризиса, достаточно ясно из данных о росте безработицы, о высоком уровне, на котором продолжают держаться цены.

Таким образом наше исследование развития германского хозяйства за последние три четверти года приводит к выводу, что нет другого выхода, кроме полной реорганизации хозяйства на новых основаниях: — *социализации хозяйства.*

Что касается положения рабочего класса, то не может быть сомнения в том, что *реальная* заработная плата сильно понизилась по сравнению с до-военным временем. Все исследования показывают, что стоимость предметов питания в настоящее время в 10—12 раз выше, чем до войны. Самыми точными и подробными являются исследования Кучинского, директора статистического бюро в Шеneберге. Кучинский прежде всего учитывает распределяемые предметы продовольствия, и сверх того вычисляет расходы, необходимые для покрытия минимальной потребности в пищевых продуктах. В августе месяце текущего года в Берлине еженедельные расходы, по Кучинскому, составляли в марках:

	На одного чел.	На мужа с женой.	На мужа с женой и 2 детей.
Питание.	47	79	127
Жилище.	9	9	9
Отопление и освещение.	21	21	21
Одежда	30	50	70
Прочие расходы . .	36	53	76
Итого . . .	143	212	303

С августа 1913 года по август 1920 года недельный прожиточный минимум возрос: для одинокого с 16,8 марок до 143 марок, т.-е. в $8^1/_2$ раз, для бездетной супружеской пары с 22,35 до 212 марок, т. - е. в $9^1/_2$ раз, а для супружеской

пары с двумя детьми, с 28,85 до 303 марок, т.-е. в 10 раз. Согласно этим исчислениям, в феврале ценность марки составляла всего 12 пфеннигов, в марте — 9—10 пф., в мае — 8—9 пф., в июне — 10 — 11 пф., в июле — 9—10 пф., а в августе—10—11 пф. Летом рост цен замедлился, вследствие удешевления некоторых предметов, но это только проходящее явление. Во всяком случае, прожиточный минимум в настоящее время по меньшей мере в 10 раз выше, чем до войны.

Что касается заработной платы, то она возросла всего только в 5—6 раз, по сравнению с довоенным временем, а в горно-заводской промышленности в 7 — 8 раз. Например, в прусских государственных каменноугольных копях Верхней Силезии заработная плата равна 991% до военной заработной платы. В Реклингхаузене заработная плата для рабочих I ой категории составляла в июле 1914 года 6.59 марок, в июне 1920 года 48,01 м., следовательно, увеличилась на 629%. Несколько сильнее возросла заработная плата в шахтах бурого угля района Галле, а именно, с 4,16 в первой четверти 1916 г. до 25,43 и в первой четверти 1920 года. В других районах повышение заработной платы, безусловно, еще менее значительно. В частных горнопромышленных предприятиях Пруссии повышение заработной платы по сравнению с довоенным временем в среднем гораздо менее значительно, чем в казенных предприятиях. Средний заработок горнорабочего во вторую четверть 1914 года составлял 352 марки, а в первую четверть 1920 года 2.209 марок. В частности заработная плата горнорабочих в Пруссии составляла:

	Во второй четверти 1914 года.	В первой четверти 1920 г.	Увеличение в %%
Подземные рабочие. . . .	3,7—6,2	24,1—42,5	559 — 5[illegible]6
Прочие горнорабочие . . .	3,2 5	21,1—29,7	496—568
Взрослые раб-	3,0 —4,4	19,5 — 32,3	560 — 6[illegible]3
Подростки. . .	1,2 — 2	7,3 — 12,4	492 — 6[illegible]0
Женщины. . .	1,3 — 4	7,8 — 19,4	390 — 500
В среднем . .	3,3—5,5	21,2—33,2	505 — 536

Таким образом, мы видим сильное понижение реальной заработной платы. Это ухудшение материального положения рабочего класса усугубляется еще тем, что многие находятся без работы или работают неполное рабочее время. В начале года в Германии насчитывалось 1.100.000 безработных, получавших пособие. Постепенно их число понизилось, дойдя

к 15 июня до 270.000. С тех пор оно опять повышалось и 1-го сентября безработных насчитывалось 419.785 человек. В сентябре их число, повидимому, опять понизилось. Сверх того, значительное число рабочих занято неполное рабочее время. В начале июня таковых насчитывалось приблизительно 100.000 человек. Большой спрос на занятия показывает, что безработица не ограничивается приведенными цифрами. Так в июле искало работу свыше 100.000 человек, не считая тех, которые не пользовались посредничеством биржи труда.

В противоположность этому не лишним будет указать на чрезвычайно возросшие доходы предпринимателей. Мы уже привели несколько примеров из горнозаводской промышленности, здесь мы приведем поэтому некоторые цифры, относящиеся к текстильной промышленности. Так например: Северно-германская Шерстопрядильня платила дивиденд в размере 62%. Бумагопрядильня Миттвейда— 41.66%. Общество Шерстяной промышленности в Гладбахе - 30%, фирма Грюнберг (производство шерстяных изделий)—30% и т д.

Самой характерной чертой современного экономического положения является, однако, не только рост прибыли, но и сильная концентрация капиталов в руках отдельных промышленных магнатов, ставших фактически абсолютными владыками экономической жизни. Если до войны говорили о господстве финансового капитала, то в настоящее время в этом смысле можно говорить о господстве промышленных и финансовых магнатов. Во всяком случае сильно обострились классовые противоречия, все больше оказывающие свое действие на настроение рабочих. Без разрешения основной проблемы хозяйства невозможно и изменение этого настроения,— и капиталистическое строительство наталкивается поэтому на решительное сопротивление рабочих.